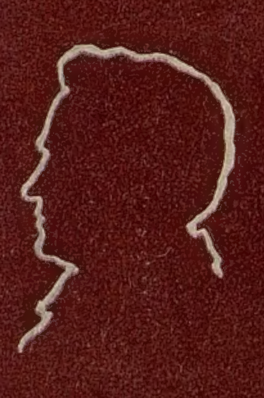
ЕВГЕНИЙ
ФЕДОРОВ

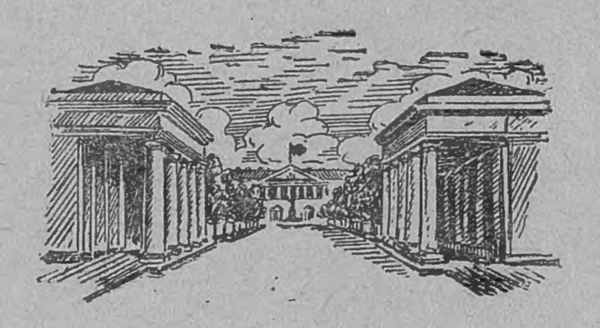
РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

ЛЕНИЗДАТ
1942

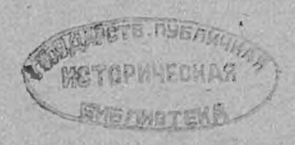
ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ и КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

Для детей среднего и старшего возраста.

СКАЗОЧНЫЙ КОНЬ

ЕРЕЖА Костриков родился в захолустном городке Уржуме. Городок этот затерялся среди лесных дебрей, очень далеко от железной дороги, и был самым отдаленным и глухим местом Вятской губернии. Край этот при царе был местом политической ссылки.

Костриковы жили бедно. В семье было трое детей: Анюта, Сережа и Лиза. Отец Сережи, Мирон Иванович, в 1890 году отправился на заработки на Урал и не вернулся. Он пропал без вести. Всю семью воспитывала мать, Екатерина Кузьминична, которую в народе звали просто Кузьмовной. Она работала поденщицей у местных купцов и чиновников. Стирала им белье, мыла полы и шила. Бедная женщина работала с раннего утра до поздней ночи, а в доме часто не было даже куска хлеба.

Мать рано уходила на работу, а ребята оставались одни.

Ребята играли без присмотра. Сережа любил уходить со двора. Он надевал старый полушубок, вязаную

*

шапчонку, большие рукавицы, стоптанные, с чужих ног, валенки и убегал из дома. Он катался с соседскими ребятами на салазках и играл в снежки.

Весну и лето ребята проводили на улице. Они босиком шлепали по лужам, бегали на речку Уржумку. Там они из песка и глины сооружали запруды и крепости. В мельничном пруде на Уржумке водились щурята, и Сережа любил их ловить. Он подолгу сидел на берегу и внимательно следил за поплавком.

Но самое приятное для ребят было, когда по праздничным дням приходила в гости бабушка Меланья Авдеевна. Она была совсем дряхлая старушка, но все-таки где-то служила в няньках.

Иногда бабушка оставалась ночевать. Она взбиралась на печь, ребята устраивались вокруг, и Меланья Авдеевна рассказывала им про Бову-королевича, про Ивана-царевича и серого волка да про Илью-Муромца. Но больше всего Сереже нравился Конек-горбунок. Сережа даже во сне видел этого сказочного коня. Он бредил им.

В праздники в Уржуме бывали базарные дни. Из окрестных деревень приезжали знакомые, и двор тогда наполнялся подводами. Сережа, конечно, вертелся возле лошадей. Ему очень хотелось взобраться на какого-нибудь коня и прокатиться. Но его отгоняли, и он уходил обиженный.

Тогда он садился на палку и, воображая себя лихим наездником, мчался вдоль улицы. Сережа хлестал воображаемого коня прутиком, ржал, притопывал, кружился на месте и рыл ногами землю, — такой горячий под ним был конь. Прямо огонь! Еле удержишь!

Однажды мать взяла Сережу на базар. И там он неожиданно увидел сказочного коня. Это была искусно вырезанная из дерева большая лошадка, вся в се-

рых яблоках, с настоящей сбруей и стояла на четырех точеных колесиках. У лошади были белые зубы. Сереже показалось, что она звонко заржала и позвала его к себе. Он рванулся к лошадке, обхватил ее шею руками и прижал к груди.

Продавец обрадовался и вопросительно посмотрел на Сережину мать:

— Желаете купить?

Она тяжко вздохнула и велела Сереже оставить лошадку.

Но Сережа ни за что не соглашался оставить сказочного коня. Мать стала уговаривать, но он и слушать не хотел. Пришлось насильно оторвать его от лошади.

Ушел Сережа с базара в слезах. Он не стыдился и плакал на всю улицу.

А потом долго-долго не мог забыть сказочного коня, которого он видел на базаре.

КАК СЕРЕЖА БОРОЛСЯ СО ШПАРГАЛКАМИ

ЕРЕЖА Костриков учился в городском училище. Он был самый младший, но зато самый прилежный и вдумчивый ученик. Мальчуган любил трудиться и делал все сам. Какой бы трудный урок ни задавали, Сережа не унывал. Он брал книги и весело принимался за учебу.

Способный мальчик очень скоро обратил на себя внимание учителя математики и русского языка Морозова. Этот умный и хороший человек полюбил Сережу Кострикова. Когда кто-нибудь не мог решить трудную задачу, учитель вызывал Сережу к классной доске, и тот быстро находил правильное решение. Лицо математика сияло. Он говорил классу:

— Полюбуйтесь, как у Кострикова работает голова!

Но Сережа был не зазнайка и не форсил перед товарищами. Он всегда с охотой помогал отстающим готовить уроки, просиживая с ними долгие часы за книгами. Хотелось порезвиться, побегать на улице, но он заставлял себя сидеть над задачником и объяснял своим сверстникам задачи.

Зато Сережа терпеть не мог шпаргалок. Он понимал, что шпаргалочники обманывают не учителя, а себя. Подойдут экзамены, а они не будут ничего знать. А потом ему неприятно было смотреть на пойманного со шпаргалкой. Стыдно было смотреть на приниженный вид такого мальчика. И кроме того, ему было жалко учителя Морозова. Когда тот вынужден был наказывать шпаргалочника, лицо его становилось печальным, и сам учитель, пожалуй, больше страдал, чем ученик.

●

Однажды с Сережей Костриковым произошел такой случай. В классе учился второгодник, здоровенный парень. Он был большой лентяй и поэтому остался в том же классе на второй год. На уроках он все время вертелся и прислушивался, что подскажут ему товарищи. А товарищи иногда, ради смеха, шептали всякую чушь. И он эту чушь отвечал учителю.

Раз Сережа был дежурным по классу. На перемене он застал этого здоровенного второгодника в классе. Тот торопливо «слизывал» задачу из чужой тетради.

Сережа подошел к нему и спокойно предложил:

— Давай я тебе помогу! Ты сам решишь эту задачу.

Верзила, конечно, засмеялся и сказал Сереже:

— Чего тут голову ломать? Я лучше «скатаю».

— Положи чужую тетрадь на место! — предложил Сережа. Он выхватил тетрадь у школьника и положил в парту.

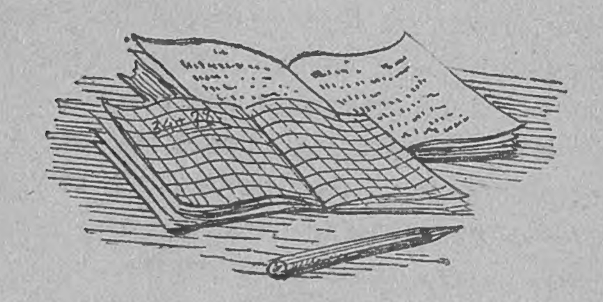
Тогда парень полез драться, но Костриков ухватил его за пояс и усадил. А сам сел рядом:

— Ну, давай вместе решать! — И он раскрыл задачник.

Вид у Сережи был спокойный, но решительный. Такой решительный, что паренек побоялся вступить с ним в драку. Он притих и стал слушать объяснение.

Сережа держал его за пояс и не выпустил до тех пор, пока парень сам стал соображать. Лентяй даже попробовал всплакнуть. Он никогда не работал сам, а тут его заставляют самого думать. Это было для него настоящее несчастье. Но делать было нечего, пришлось подчиниться Сереже.

Таким образом он сам решил задачу.

М У Ж Е С Т В О

ЕРЕЖЕ Кострикову было пятнадцать лет. Окончив городское училище, Сережа распростился с Уржумом. Он уехал в Казань и поступил там в промышленное училище.

Когда Сережа уезжал учиться, Уржумское благотворительное общество обещало ему стипендию — пять рублей в месяц, а председатель этого общества даже выдал Сереже такую бумажку-обязательство:

«Означенного Сергея Кострикова я обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и своевременно вносить установленную плату. Жительство он будет иметь в квартире моей родственницы, дочери чиновника... Даю ручательство в правильном над Сергеем Костриковым домашнем надзоре и в предоставлении ему необходимого для занятий удобства».

Это обязательство Сережа должен был представить в училище.

На деле, конечно, все эти обещания уржумских «благодетелей» оказались только похвальбой.

Жилось Сереже в Казани очень плохо. Ему так плохо жилось, что даже об этом написали сами казанские чиновники.

«Очень беден, — записали они, — ничего не получает. На что живет — неизвестно».

Сережа действительно голодал. Он не имел сносной обуви. А квартирой ему служил темный угол в коридоре.

Однако он был мужественный юноша — не испугался трудностей и не бросил учебы.

И он умел постоять за себя и вступиться за товарищей, когда их обижали.

А обижали учеников часто и незаслуженно. Училищное начальство придиралось ко всякому пустяку. За малейшую провинность сажали в карцер.

Особенно издевался над учениками инспектор Широков. Это был неуравновешенный, вспыльчивый и жестокий человек. Он часто давал волю рукам.

И вот однажды он дал зуботычину одному ученику.

Товарищи, конечно, возмутились. Они решили отомстить инспектору и бросили на его стол дохлую ворону.

Сережа не одобрил этого поступка. Он сказал:

— Друзья, вы нехорошо поступили. Эта глупая мальчишеская выходка не исправит дела.

Но товарищи не послушались доброго совета Сережи. Дохлая ворона осталась на столе.

Кто-то, видимо, уже успел передать обо всем инспектору.

Вот раздался звонок к уроку, и взбешенный инспектор вбежал в класс.

Инспектор был очень грозен. Все, конечно, ждали жестокой расправы. В ожидании ее весь класс замер...

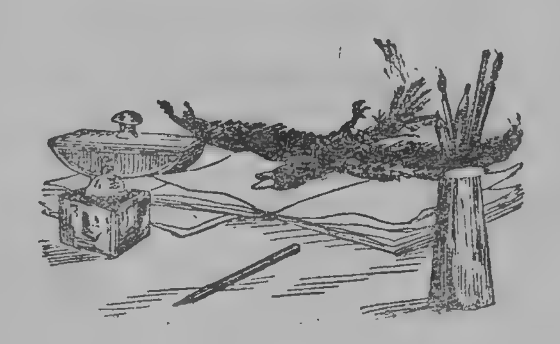
Но не успел инспектор раскрыть рот, как поднялся Сережа и спокойным, ровным голосом сказал:

— С вами произошел неприятный случай, господин инспектор. Но если вы не измените отношения к ученикам, могут случиться еще более неприятные вещи.

Вид у Сережи был решительный. И голос его прозвучал в классе твердо и мужественно.

Пораженный этим, инспектор повернулся и молча удалился из класса.

С этого дня он стал относиться к ученикам более осторожно.

РАЗЫСКИВАЕМЫЕ МАРКС И ЭНГЕЛЬС НЕ ОБНАРУЖЕНЫ

ГОРОДКЕ Уржуме жило много политических ссыльных. Это были рабочие и студенты. С каждым годом их становилось все больше и больше.

Уржумские купцы и чиновники ненавидели ссыльных и старались отравить им жизнь. Они натравливали на них пьяниц и черносотенцев.

Забулдыга портной Ионов в пьяном виде всегда гонялся за ссыльными с большими ножницами и обещал их зарезать. Известный уржумский громила Машковцев швырял в них камнями и грозил:

— Ироды! Христопродавцы, задушу!

«За что их так ненавидят?» — думал Сережа и присматривался к жизни ссыльных.

Он увидел, что это честные и культурные люди. Жадные и завистливые купцы и чиновники ненавидели их за то, что они борются за правду. Эти толстосумы и чернильные души дрожали за свое благополучие. Вот придет революция и отнимет у них все.

— Этому не бывать! Мы сокрушим им голову! — грозили они.

И писали доносы на ссыльных, подсматривали, наушничали.

Но ссыльные держались дружной семьей. Они помогали друг другу.

Сережа часто заглядывал к ссыльным и скоро стал своим человеком. Особенно он сблизился с одним студентом. Этот студент ввел Сережу в революционный кружок.

Вскоре стряслась беда. Ссыльным грозила большая неприятность.

Полиция донесла в Вятку о существовании подпольного кружка.

Вятский губернатор всполошился. Он экстренно направил в Уржум чиновника особых поручений князя Гагарина, который должен был все разузнать. В городке среди ссыльных начались обыски и аресты. Однако напасть на что-либо подозрительное не могли.

Сережа очень волновался за своего приятеля студента.

У него нашли письмо, в котором он упоминал фамилии двух революционеров и ссылался на их труды.

Полиция забеспокоилась. Эти два неизвестных революционера не числились под надзором жандармского управления.

Чиновник особых поручений уже обрадовался. Вот-вот, думал, накрою важных революционеров и выслужусь. Ему уже мерещился Петербург, блестящая карьера.

Но как он ни выпытывал их местожительство, ссыльные отмалчивались.

Князь Гагарин взбесился и распек уездного исправника. Он приказал немедленно разыскать этих революционеров и арестовать.

Конечно, исправник в свою очередь разнес становых приставов.

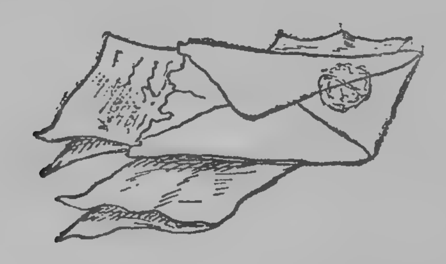
И те из кожи лезли и старались разыскать неуловимых революционеров.

Но поиски были напрасны. Они так и не нашли их. Исправник после этого написал князю Гагарину рапорт. А в рапорте он доносил:

«Несмотря на усиленные розыски в пределах Уржумского уезда, разыскиваемые Маркс и Энгельс не обнаружены».

Сережа, как и все ссыльные, знал, кто такие Маркс и Энгельс.

И они, конечно, посмеивались над глупыми полицейскими.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

АРОД навсегда запомнил этот день. Он назвал его «Кровавым воскресеньем».

9 января 1905 года, в воскресенье, петербургские рабочие пошли ко дворцу за царской правдой, а царь приказал стрелять в народ.

Он не пощадил даже женщин и детей. Расстрел безоружных рабочих возмутил всех честных людей. В России начались забастовки и демонстрации.

Они происходили во всех городах нашей страны.

И в городе Томске рабочие тоже устроили демонстрацию. Организовали ее большевики.

Сережа Костриков в это время жил в Томске. Он и его товарищ, рабочий Кононов, приняли в организации этой демонстрации самое активное участие.

18 января в Томске стоял морозный, солнечный день. Город выглядел по-особенному в этот день. На улицах прекратилось движение, закрылись магазины, и всюду шныряли сыщики и городовые.

Только на Почтамтской улице было очень оживленно. Сюда, к университетской клинике, сошлись рабочие, студенты и курсистки.

Среди них было несколько десятков дружинников, которых организовал Сережа. Они должны были охранять демонстрацию от нападения полицейских.

В десять часов утра все построились в колонну. Рабочий Кононов стал впереди всех и поднял красное знамя.

А на этом красном знамени было написано:

«Долой самодержавие!»

Демонстранты запели «Марсельезу» и двинулись по улице.

Полицейские бросились разгонять народ. Но это им не удалось.

Тогда на демонстрацию напустили казаков. Те стали избивать народ.

Однако дружинники отчаянно защищались. Произошел настоящий бой.

Но все-таки храбрые дружинники ничего не могли поделать с хорошо вооруженными врагами. Они вынуждены были отступить.

А озверелые казаки не успокоились и жестоко избивали всех.

В этой свалке досталось и Сереже Кострикову. Когда он спасался через забор, один усатый городовой взмахнул своей тупой шашкой и рассек ему пальто на спине. Но Сережа не сдался. Тогда полицейский схватил его за полу пальто. Но Сережа был ловкий и сильный, он вырвался от городового и сбежал.

Вечером он узнал, что рабочий Кононов убит. Кононов умер как революционер. Истекая кровью, он спрятал на груди красное знамя. Он не хотел, чтобы это чистое знамя осквернили грязные полицейские руки.

Труп Кононова отвезли в морг университетской клиники.

Сереже было очень жалко хорошего и честного товарища. Но он мужественно перенес эту потерю и сказал твердо:

— Нас заставили сегодня отступить, но мы будем бороться.

Он подумал и предложил товарищам:

— Надо спасти знамя.

Все товарищи удивились. Это было очень опасно. И они стали отговаривать Сережу.

Однако уговоры не помогли. Сережа решительно заявил:

— Все-таки я доберусь и добуду знамя!

Ночью он осторожно миновал патрули и перелез через каменную ограду в университетский сад. Там, среди сугробов темнел домик. Это и была покойницкая. Сережа осмотрелся. Двери покойницкой были на замке. На окнах — решетки.

Тогда Сережа пошел и отыскал сторожа.

Он стал просить его открыть покойницкую и впустить осмотреть трупы.

Но сторож долго не соглашался.

— Да зачем тебе туда? — недовольно ворчал он.

— У меня брат пропал. Должно быть, убили, — пожаловался Сережа.

— Ох, грехи наши тяжкие! — вздохнул сторож.

Однако сердце его отошло, и он участливо спросил Сережу:

— А кто он, брат-то твой?

Сережа знал, что этот сторож очень любит студентов. И потому он сказал ему:

— Брат мой — студент. Открой поскорее, дедушка!

Старик подобрел. Он вынул из кармана ключ.

— Студент, ишь ты! Студенты — справедливый народ. Ну, иди, ищи!

И он открыл покойницкую. Там было темно. Сережа зажег спичку и отыскал труп Кононова.

Он взял у своего верного товарища окровавленное знамя и удалился...

А когда хоронили Кононова, тысячи народа сопровождали его гроб. Все пели революционные песни.

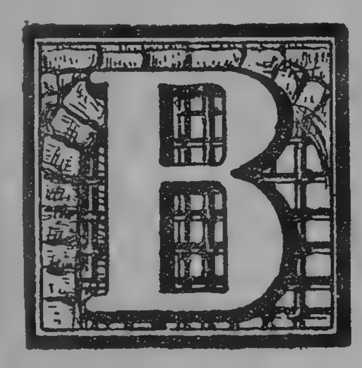
И над головами людей развевалось знакомое красное знамя.

Полицейским это было очень неприятно, но они боялись тронуть похоронную процессию.

Они хорошо понимали, что на этот раз народ не отступит.

ПЕРВОЕ МАЯ В ТЮРЬМЕ

ИЮЛЕ 1906 года Сергея Кострикова арестовали.

Его посадили в камеру № 28 секретного корпуса томской тюрьмы.

Царские тюремщики ненавидели политических заключенных. При всяком случае они унижали их человеческое достоинство. Нередко к заключенным применяли даже телесные наказания. Нужно было иметь большую силу воли, чтобы не пасть духом.

Сергею было всего двадцать лет. Он был самый молодой из политических заключенных, но держался очень бодро и не унывал. Он и других подбадривал.

В тюремном заключении очень бодрит песня.

И Сергей заставлял товарищей по камере петь хором. Это изводило тюремщиков. Часто за песни они избивали и сажали в карцер. Но заключенные не сдавались и продолжали петь.

Сергей подбадривал их:

— Веселей пойте, товарищи! Пусть знают, что революционеры — огромная сила!

Это было своего рода протестом.

А однажды в хор включился весь секретный корпус. Этим отметили празднование Первое Мая.

Подходили праздники, и Сергей задумался над тем, чем бы их отметить. Ему очень хотелось показать тюремщикам, что революционеры не сломлены. Их дух несокрушим.

«Как быть?» — думал Сергей, и вдруг его осенила блестящая мысль. Путем перестукивания он сообщил всем политическим о своем замысле — спеть всей тюрьмой «Интернационал». Среди политических заключенных преимущественно были большевики. И они поддержали своего молодого товарища.

Условились, что этим небывалым хором будет дирижировать сам организатор — Сергей.

Напротив окна камеры возвышался широкий побеленный брандмауер. Сергей давно заметил, когда в камере зажигали свет, на брандмауере четко вырисовывались тени.

Он и решил использовать это обстоятельство.

— В одиннадцать часов вечера все смотрите на стену! — сообщил Сергей товарищам.

Вечером к окну поставили стол, и он взобрался на него. За спиной Сергея товарищи подняли лампу. И тогда противоположная стена тюрьмы во дворе озарилась светом. На этом светлом фоне четко выделялась тень Сергея.

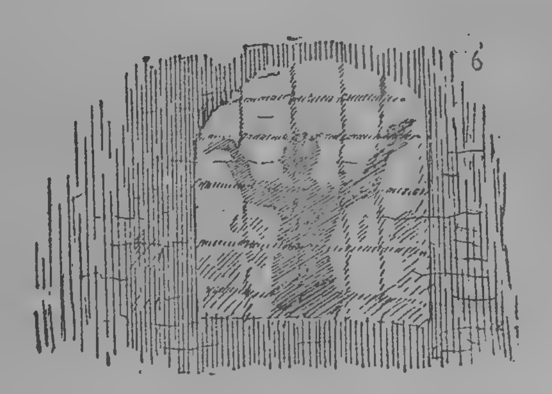
В камере запели, а он в такт мелодии стал мерно размахивать руками. Эти дирижерские движения очень хорошо виднелись на освещенной стене.

Заключенные других камер, завидя их, догадались, в чем дело, и запели.

Сотни политических дружно пели «Интернационал».

А Сергей, дирижируя этим хором, все больше и больше воодушевлялся.

Его голос звучал страстью и зажигал всех...

ДЕЛО О ПОДПОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

1905 году Сергей Миронович жил в Томске. Он вел революционную работу и год спустя организовал в этом городе подпольную типографию. Она была устроена очень остроумно. На окраине города, по Аполлинариевской улице, был куплен старый дом. Под ним революционеры вырыли подвал и оборудовали там типографские станки.

Секретный ход в подвал был замаскирован так, что никто не мог бы догадаться, где находится типография. Но все-таки кто-то донес полиции, что дом на Аполлинариевской очень подозрителен и там, наверно, что-то есть.

Тотчас во двор этого дома нагрянул пристав с городовыми. Они обыскали весь дом и ничего не нашли. Тогда пристав срочно вызвал саперную часть. Солдаты изрыли весь двор, но типографии так и не нашли.

Сергей Миронович очень гордился такой удачной конспирацией типографии.

Однако его и трех товарищей все-таки арестовали и посадили в тюрьму. Это было в июле 1906 года. И он просидел в тюрьме ровно два года.

В июле 1908 года Сергея Мироновича освободили, и он уехал в Иркутск.

Там он продолжал революционную работу.

Но тут произошло совершенно неожиданное обстоятельство.

Подпольная типография в Томске вдруг сама себя выдала.

И произошло это так.

Когда подпольщики покинули дом на Аполлинариевской, туда вселили городовых. Они там зажили. И все шло очень хорошо. Полицейские даже и не подозревали, что под ними в подвале подпольная типография.

Но вот в одно утро произошло нечто вроде землетрясения. Дом с городовыми затрещал, заколебался, обвалился.

И тогда обнаружили подпольную типографию.

Тут жандармы бросились искать организатора этой типографии.

Но Сергей Миронович уехал на другой край России, в город Владикавказ.

Там он, под фамилией Миронова, стал работать в редакции демократической газеты «Терек». Это была очень подходящая работа для Сергея Мироновича. Она была неплохой ширмой для подпольной работы.

Сергей Миронович писал обличительные статьи. В них он очень умело разоблачал произвол царского самодержавия. Время было трудное. Это были годы черной реакции. Газету «Терек» неоднократно подвергали штрафу за статьи Сергея Мироновича и даже привлекали к судебной ответственности. Но это нисколько не смущало его, и он продолжал писать эзоповским языком. Конечно, все понимали, о чем пишется в этих статьях. Понимали это и царские чиновники, но придраться к

Сергею Мироновичу было нелегко. Он весьма умело обходил все препятствия царской цензуры.

Однако Сергею Мироновичу не повезло. Департамент полиции разослал по всей России секретный циркуляр. А в этом циркуляре были подробно описаны приметы Сергея Кострикова. Предписывалось при «его обнаружении — арестовать, обыскать и уведомить Томское жандармское управление».

Этот циркуляр департамента полиции, конечно, получили и владикавказские жандармы, но они и не подозревали, что сотрудник газеты Миронов и Сергей Костриков — одно и то же лицо.

Выдал Сергея Мироновича директор Казанского промышленного училища.

Случилось это так.

У Сергея Мироновича пропал аттестат об окончании этого училища, а он ему вдруг понадобился. И он запросил из училища копию аттестата. При этом, конечно, сообщил свой точный адрес: город Владикавказ, Лекарская улица, дом № 12.

Директор училища не замедлил сообщить этот адрес жандармскому управлению.

Хотя Сергей Миронович переменил фамилию и пытался продолжать работу под именем Миронова, переехав на другую квартиру, но в конце концов жандармы арестовали его. Закованный в кандалы, он был отправлен в Томск.

После тяжких скитаний по пересыльным тюрьмам Сергей Миронович опять очутился в знакомом секретном корпусе томской тюрьмы.

Начались допросы. Но Сергей Миронович спокойно заявлял, что он в Томске никогда не жил, а про типографию даже никогда не слыхал.

Следователь, конечно, не отставал от Сергея Мироновича, но тот терпеливо твердил свое.

И так продолжалось изо дня в день почти полгода.

Наконец, в марте 1912 года назначили суд.

Царские судьи не хотели, чтобы народ услышал, что будет говорить Сергей Миронович. Они очень боялись, что народ узнает правду про царские порядки. Поэтому жандармы никого на суд не пропустили. И он состоялся при закрытых дверях.

На суде Сергей Миронович, конечно, попрежнему отрицал, что он жил в Томске и знает о подпольной типографии.

Судьи задавали ему перекрестные вопросы. Они старались запутать его. Но Сергей Миронович стоял на своем.

Он держался очень хладнокровно и отвечал даже с улыбкой.

Такое спокойствие выводило судей из себя.

Председатель суда обозлился и заявил:

— Так вы не признаетесь? Хорошо. Сейчас мы установим вашу личность. Вызвать свидетелей.

И тут ввели того самого пристава, который когда-то обыскивал дом на Аполлинариевской. Он тогда и арестовал Сергея Мироновича. Но это было шесть лет назад. Сергей Миронович в то время носил бороду и одевался в косоворотку. И руки его от работы тогда были грубые, в мозолях и царапинах. Он выглядел совсем простым парнем.

Несмотря на это, сейчас он немного встревожился.

«А ведь узнает меня фараон!» — подумал он.

Тут председатель суда показывает на Сергея Мироновича и спрашивает полицейского:

— Вы, конечно, узнаете этого человека? Ведь вы когда-то его арестовали?

Пристав вытаращил глаза на Сергея Мироновича и очень смутился.

Перед ним у барьера стоял прилично одетый, гладко выбритый молодой человек. В руках он держал хорошую шляпу.

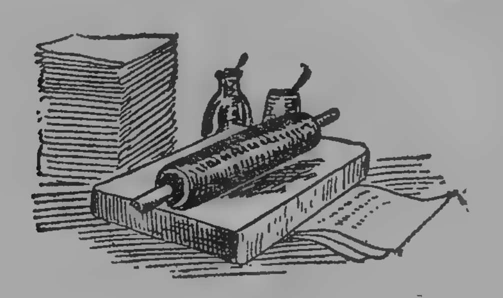
Сергей Миронович нисколько не растерялся. Он даже насмешливо улыбался приставу.

Пристав совсем смутился и пробубнил:

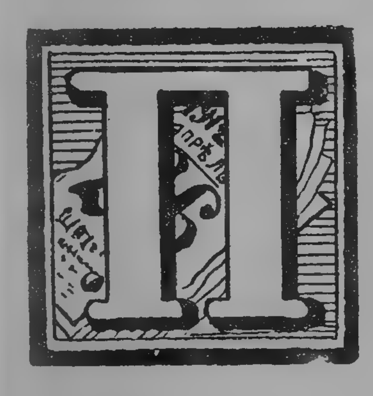
— Никак нет, господа судьи-с! Этого господина я никогда не видел-с. Тот был из простых.

Так и не узнал пристав Сергея Мироновича.

И суду пришлось его освободить.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ПОЯВИЛАСЬ ФАМИЛИЯ КИРОВ

ОСЛЕ суда Сергея Мироновича освободили из томской тюрьмы. Он решил вернуться во Владикавказ.

Стоял весенний солнечный день.

И вот в редакцию газеты «Терек» открывается дверь, и на пороге появляется улыбающийся Сергей Миронович.

— Сергей вернулся! — ахнули сотрудники.

Они бросились обнимать его, жали руки. Все заботливо рассматривали товарища. Сергей Миронович был немного бледен, худоват, но попрежнему бодрый и веселый.

Друзья наперебой засыпали его вопросами:

— Вырвался-таки! Опять будешь работать в «Тереке»? Опять будешь писать статьи против царского произвола?

Сотрудники газеты глядели на него с восторгом:

— Вот это человек! Его даже царская тюрьма не сломила.

Но тут фельетонист Солодов задумался. Он сказал:

— А все-таки, я думаю, старой фамилией статьи

подписывать не годится. Цензура будет сильнее придираться. Надо придумать какой-либо псевдоним.

— Верно! Правильно, Солодов! — поддержали товарищи.

И тогда один из сотрудников предложил:

— Сергей пишет острые статьи. Они выходят у него с солью, с перцем. Перцев — вот псевдоним!

«Перцев»? — подумал Сергей Миронович и покачал головой:

— Нет, не годится.

— Капустин!

— Нет.

— Ракитников!

— Громобой!

— Правдин!

Каждый старался выкрикнуть свое предложение. Но ни один из предложенных псевдонимов не нравился Сергею Мироновичу, и он сказал:

— Псевдоним надо избрать такой, чтобы он как рубашка к телу пристал.

— Верно, — согласился Солодов. — Давайте посмотрим в календарь.

Отыскали календарь и стали выбирать:

— Полиевкт... Евтихий... Ефросинья... Агафангел... Агипит... Пуд... Псой...

Все даже рассмеялись, такие смешные имена попадались. А Сергей Миронович смеялся и отвергал:

— Нет! Нет! Ну, посмотрите на меня, какой же я Псой?

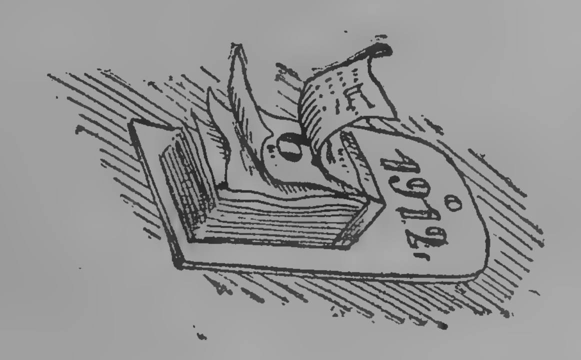
И тогда календарь листали дальше:

— Александр... Ольга... Мария... Кир...

— Кир! — воскликнул Солодов. — Киров! Это замечательно.

— Прославленный полководец древности и — в подполье! — улыбнулся Сергей Миронович и согласился: — Ладно!

На другой день, 26 апреля 1912 года, в газете «Терек» появилась новая статья Сергея Мироновича. Это была первая статья после его ареста. Подписана она была новым псевдонимом — «Киров».

УЧИТЕЛЬ

1912 году Сергей Миронович Киров организовал во Владикавказе воскресную рабочую школу.

Это была необыкновенная школа.

Учились в ней не ребята, а взрослые железнодорожные рабочие. Среди школьников были даже седобородые старики.

Классные занятия проводились где придется.

Летом школа ютилась в неприглядном сарайчике. Ученики рассаживались на старых ящиках или просто на земле и слушали учителя. Зимой, когда было холодно, ученики собирались в железнодорожной швальне. В будние дни тут портные кроили и шили чехлы и занавески для мягких вагонов, но по воскресным дням швальня пустовала. Усаживались за портновскими столами. Хотя в мастерской было тесно, но зато тепло и уютно.

Организовалась воскресная школа «с разрешения начальства». Царские чиновники предписали учить рабочих только грамоте да закону божьему.

Но в школе преподавал необыкновенный учитель — сам Сергей Миронович Киров. Он все предметы объяснял по-своему. Даже диктант велся им по-особенному.

Сергей Миронович клал на стол медную монету орлом вверх и, показывая на нее глазами, диктовал:

— Орел — хищная птица. Ее надо истребить!

Ученики-рабочие очень хорошо понимали, что речь идет о свержении царского самодержавия.

Или учитель говорил:

— На огороде поставили пугало с деревянной головой и мочальными усами.

Не меняя тона, он добавлял:

— Рука дающего да не оскудеет.

Все сразу узнавали в пугале знакомое лицо и дружно подхватывали:

— Да это наш околоточный надзиратель—взяточник!

Чтение Сергей Миронович тоже проводил по-особому. Вместо сказок по закону божьему он читал статьи Ленина и Сталина.

Киров вырезал их из газеты «Правда» и приносил в школу. И там он разъяснял смысл этих статей.

Нередко учитель приносил в школу и листовки. А в них объяснялось, кто угнетает рабочих и крестьян и как с этим покончить.

Эти листовки ученики уносили и распространяли среди рабочих. Вместе с распространением листовок росла и тайная молва о замечательном учителе. Число учеников быстро увеличилось.

Среди них имелось много отсталых и несознательных.

Киров сказал себе:

— Мало их научить тому, как устроен мир. Надо воспитать в них еще классовую солидарность.

А тут как раз в школе произошел такой случай.

Два ученика-рабочих сильно повздорили, и обиженный полез даже в драку. Он забыл о том, что находится в школе и что идет урок.

Сергей Миронович спокойно посмотрел на спорщиков и сказал хладнокровно:

— Потерпите немного, друзья. Вот кончу урок и тогда деритесь, сколько вам захочется. А сейчас, товарищи, я хочу рассказать вам о происхождении огня.

Все сразу затихли и с вниманием стали слушать своего учителя.

Спокойным, ровным голосом Киров очень увлекательно рассказал о том, как первобытные люди открыли огонь. Глаза учителя потеплели.

— Огонь приносит человечеству огромную пользу,— сказал Сергей Миронович и встал из-за стола. Он прошелся по комнате и, сурово сдвинув брови, продолжал:

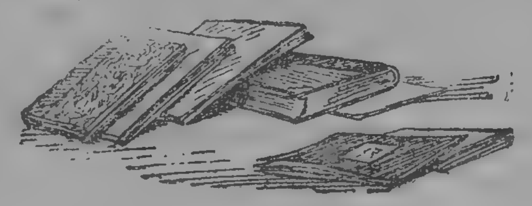
— Но не забывайте, друзья, что неправильное обращение с ним обрушивает на человека и бедствия.

Киров внимательно оглядел своих учеников. Особенно проникновенно посмотрел на двух спорщиков. Они сидели нахохлившись, как два драчливых петуха. Сергей Миронович незаметно улыбнулся и закончил:

— Огонь, благородный огонь есть и в нас, в людях, но люди должны бережно сохранять его. Помните, друзья, настанет день, когда этот жар будет нам необходим. Недалеко время, когда нам придется драться, но не друг с другом, а рука об руку против общего врага. Отношения товарищей не требуют чрезмерного огня. Здесь достаточно и огонька. Не так ли, друзья?

При этих словах учителя спорщики переглянулись и покраснели.

И недавние противники вдруг встали и крепко пожали друг другу руки.

ИСПОРЧЕННЫЙ ЮБИЛЕЙ

ФЕВРАЛЕ 1913 года исполнялось ровно триста лет со дня воцарения в России дома Романовых.

Губернаторы получили от министра строгий указ торжественно отпраздновать царский юбилей по всем городам и селам России.

Предлагалось провести его под знаком единения народа с царской властью.

Такой указ пришел и во Владикавказ.

Местные чиновники и купцы не пожелали, конечно, ударить лицом в грязь.

Во Владикавказе имелся Алагирский свинцовый завод. На этом заводе они и организовали патриотическое собрание.

А организовали такое собрание очень просто. Управляющий издал по заводу строгий приказ, чтобы все рабочие пришли на празднование царского юбилея. Кто не придет, того грозили лишить работы.

После этого рабочие, конечно, пришли на юбилей.

Вместе с ними на торжество пришел и Сергей Миронович Киров. Он незаметно уселся в уголке и стал приглядываться.

На стенах зала висели многочисленные царские портреты, украшенные цветами и лентами. Пестрели трехцветные флаги. В дубовых кадках зеленели олеандры, фикусы. В первых рядах в удобных креслах важно восседали чиновники в парадных мундирах, бородатые купцы и разодетые дамы.

Впереди за столом поблескивал туго накрахмаленной манишкой управляющий заводом.

Духовой оркестр играл монархический гимн «Боже, царя храни».

Все это и должно было изображать собою единение русского народа с царской властью.

Сергей Миронович хитро переглядывался с рабочими.

Гимн внезапно смолк, и управляющий выступил с речью. Он очень высокопарно и торжественно говорил о добродетелях царя-батюшки, а рабочие мрачно хмурились.

Во время этой речи из разных уголков зала полетели записочки. Перед оратором постепенно вырастала белая бумажная горка. И, конечно, новоиспеченный Цицерон[1] сиял от такого внимания слушателей.

Но тут случилось совершенно непредвиденное.

Оратор благополучно закончил свою речь; оркестр оглушительно сыграл гимн.

Ничего не подозревая, управляющий взял одну из записочек и огласил на весь зал:

— Скажите, как живут рабочие на Лене?

Вопрос этот прозвучал, как пушечный выстрел.

Он напомнил господам неприятное событие, которое произошло 4 апреля 1912 года на Ленских золотых приисках. В этот день царские жандармы расстреляли мир-

---

[1] Цицерон — знаменитый в древности римский оратор.

ных шахтеров. Вся страна знала, что царь сделал это в угоду капиталистам.

На юбилеях, как и на похоронах, принято говорить только хорошее.

А тут взяли и напомнили господам это неприятное событие.

В первых рядах кресел прошло беспокойное волнение. Оратор покраснел, смутился. Он промямлил что-то в ответ.

И чтобы замять неприятный вопрос, быстро схватил новую записку и еще громче прочел:

— Скажите, как называется воскресенье 9 января 1905 года?

Тут оратор внезапно поперхнулся, замычал. Он схватился за графин с водой. Лицо его побагровело. Он, как разъяренный бык, заревел:

— Кто смеет писать эти недостойные записки?

Он схватил третью записку и на этот раз предварительно прочел про себя.

Глаза его вспыхнули, а на лбу выступил пот. Манишка оратора обмякла и пропотела.

— Как вы смеете! Я вам покажу! — застучал он кулаком по столу.

Но в эту минуту из дальнего угла раздался молодой насмешливый голос:

— Что же вы молчите? Отвечайте!

— Я не буду отвечать бунтовщикам! Не буду! затопал ногами оратор.

Чиновники повскакали с мест. Купцы ругались. Некоторым дамам сделалось дурно.

— Что? Правда глаза колет! — закричали рабочие.

И тогда снова прозвучал насмешливый голос:

— Нет, они просто не любят вспоминать о царских милостях к рабочим!

Тут поднялся шум, переполох.

В зал вбежал перепуганный околоточный.

Он стал уговаривать:

— Господа, успокойтесь. Нельзя же так.

Но никто его не слушал, все шумели. И больше всех бесился оратор.

Юбилей, конечно, был сорван.

А Сергей Миронович, увлекая рабочих, вышел из зала.

Оживленные рабочие окружили его. Над толпой взвилось красное знамя и, распевая «Марсельезу», рабочие зашагали по улице.

Это было для Владикавказа небывалое событие.

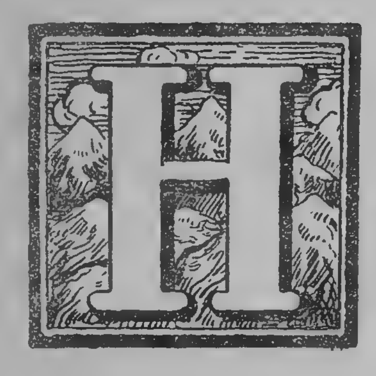
Но, однако, его замолчали и газеты, и полиция.

И это было вполне понятно.

Владикавказские чиновники сильно перепугались. Они очень боялись, как бы весть о сорванном царском юбилее не дошла до Санкт-Петербурга.

ПОЧЕТНЫЙ СТАРИК

А ТЕРЕКЕ кипела кровавая междоусобная война.

Враги народа — князья, офицеры, богатые казаки и националисты стремились сохранить старые порядки.

Они разжигали между горцами национальную вражду.

И это удалось им.

Неподалеку от Владикавказа были вырыты окопы. Ингуши и осетины беспощадно истребляли друг друга в страшной схватке.

Даже в городе была слышна частая ружейная пальба.

А в это самое время — в марте 1918 года — во Владикавказе происходил съезд горских народов.

Он происходил на окраине города, в огромном здании. На площади перед этим зданием стояла оживленная толпа.

Здесь были рабочие, казаки, горцы.

Многие из них приехали из дальних селений. Они ехали сюда, как на праздник. Все понимали, что на съезде сейчас думают и обсуждают, как прекратить вражду и лучше устроить жизнь горцев.

И когда кто-либо из делегатов выходил на площадь, все почтительно расступались перед ним и долго провожали его взглядами.

Но всем стоявшим на площади хотелось услышать Кирова. Многие даже из-за этого сюда и приехали.

Все горцы хорошо знали Сергея Мироновича. Еще до революции он подолгу бродил по горным селениям. Он всегда был ласков и давал умные советы. Сергей Миронович не раз мужественно выступал в защиту горцев перед царскими чиновниками. Поэтому они сильно любили его и оказали ему самую высокую честь.

Они назвали Кирова почетным стариком.

Сейчас они с нетерпением хотели увидеть его.

Когда Сергей Миронович вышел на высокое крыльцо, горцы дружелюбно закричали ему:

— Здравствуй, Киров! Говори, старик!

Киров, бодрый и веселый, поднял голову и улыбнулся.

Улыбка у него была такая, что от нее всем стало тепло. Горцы еще приветливее закричали ему:

— Старик, научи, что нам делать?

Киров поднял руку, и все смолкли.

На площади стало тихо, так тихо, что слышен был шелест деревьев.

— Хорошо, слушайте! — сказал Сергей Миронович, и все взоры устремились на него.

И он рассказал им легенду о Прометее.

— Мир был полон несправедливости и слез, — говорил Киров. — Богатые притесняли бедных, сильные обижали слабых. И люди не знали, отчего происходит добро и зло. Они жили, как в дремучем лесу, в невежестве, во мраке. И тогда Прометей задумал большую дерзость — он похитил свет с неба и принес его людям.

За дерзость, за невиданное мужество Прометея приковали к скале на вершине Казбека, над бездонной пропастью. И хищный орел день и ночь терзал его могучее тело...

Киров смолк, улыбнулся, но горцы снова зашумели:

— Говори дальше, старик! Мы слушаем тебя!

И тогда голос Сергея Мироновича зазвучал над толпой, как набат.

— Друзья, Прометей — это вы, великие племена горцев! А орел — это царское самодержавие. Оно терзало и расклевывало ваше живое народное тело. Вы сбросили двуглавого орла. Так сбросьте и орлят — князей, беков и офицеров!

— Он врет этот русский! — закричал в толпе старик.

Все оглянулись. Они сразу узнали этого крикуна.

— Уйди отсюда, негодный! Убирайся, пока цел! — раздались сердитые голоса. — Говори, Киров!

Но тут толпа всколыхнулась и загудела, как море в прибой.

На площадь со скрипом въехали груженые арбы.

— Глядите, глядите, что это? — закричали кругом.

Все бросились к арбам.

На них лежали голые тела убитых осетин. Это были статные и мускулистые молодцы. И у всех у них были отрезаны уши. Более сильного надругательства, чем это, для горца не существовало.

— Это сделали ингуши! Они отрезали им уши! — закричал из толпы старик. — Я сам это видел!

И тогда осетины, бывшие в толпе, схватились за кинжалы и неистово закричали:

— Смерть ингушам!

Этот неистовый крик ворвался в помещение, где заседал съезд.

Делегаты-осетины тоже схватились за кинжалы и выбежали на площадь.

А там уже все бурлило и кипело, как горный поток.

Каждую секунду готова была вспыхнуть кровопролитная рукопашная схватка.

Киров поднял руку и крикнул во весь голос:

— Стойте, товарищи! Обождите!

Все смолкли, подняли глаза на него и ждали, что скажет им почетный старик.

Сергей Миронович сошел с крыльца и подошел к арбе.

Он с грустью наклонился над трупами.

«Какое подлое дело!» — с возмущением подумал он, и сердце его загорелось.

В эту минуту снова раздались угрозы:

— Это сделали ингуши! Смерть ингушам!

Киров поднялся на арбу и оглядел площадь.

— Тише, товарищи, — сказал он. — Вы знаете, кто совершил это подлое дело?

В толпе закричали:

— Ингуши! Ингуши!

Киров сурово сдвинул брови.

— Да, это сделали ингуши, — сказал он и склонил голову.

Толпа вздрогнула и зашумела:

— Слышите, слышите, это говорит сам старик!

Но Сергей Миронович снова поднял руку.

— Вы правы, в этом виноваты ингуши, — с грустью повторил он. Но тут голос его окреп, посуровел. — Но какие ингуши виноваты тут? Ингуши бывают разные. Вот члены народного съезда — представители ингушей. Они идут вместе с нами навстречу вольной и трудовой жизни. Есть и другие ингуши, слепые от старых обы-

чаев. Наш старый враг вложил им в руки кинжал и послал убивать соседей и братьев. Неужели мы должны им мстить? Мы слетелись сюда под одну общую кровлю для мирного совета, чтобы соединиться в одну могучую стаю горных народов. Нам нужно отбиться от общего врага. Слышите, что творится там?

Сергей Миронович указал на горы.

Там звучала ружейная перестрелка.

— Вы слышите, — повторил Киров, — там дерутся ингуши и осетины. Они истребляют друг друга. За что?

Все смущенно молчали, а Сергей Миронович со страстью закончил:

— Пусть поручат мне и тем, у кого нет с вами вражды. Мы пойдем на фронт к воюющим ингушам и осетинам. Мы остановим кровавую схватку и пригласим их представителей на съезд. Съезд народов рассудит, кто прав и кто виноват.

— Старик сказал хорошо! — отозвались в толпе.

Осетины согласились:

— Киров сказал верно.

Им было тяжело от обиды. Их лица были суровы и мрачны. Но то, что сказал почетный старик, они считали для себя законом.

Они послушались Сергея Мироновича и погасили в себе жажду мести.

И тут же выбрали делегатов на фронт.

Их было четыре человека и среди них Сергей Миронович Киров.

Делегаты немедленно поехали туда, где шла горячая перестрелка между ингушами и осетинами.

Когда приехали, Киров сошел с коня и пошел между окопами. Мимо него то-и-дело свистели пули.

Сергей Миронович вынул белый платок и помахивал им. Это означало, что идут не просто случайные люди, а парламентеры. Убить парламентера — для горца несмываемый позор.

Однако страсти в эти дни так сильно разгорелись, что все забыли про этот хороший военный обычай.

И стрельба продолжалась.

Один из парламентеров схватился рукой за сердце и упал. Киров не дрогнул; он продолжал итти под пулями.

Горцы изумились такой необыкновенной храбрости. Они перестали стрелять, и бой вскоре утих.

А Сергей Миронович заходил в окопы враждующих и сердечно с ними говорил:

— Что вы делаете? За что убиваете друг друга? Кто научил вас этому? Вы не видите настоящих врагов. Враги ваши — помещики, князья и беки.

Ингушам и осетинам стало неудобно перед Кировым.

— Что нам делать? — спросили они.

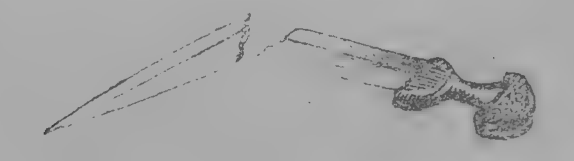
— Шлите своих выборных на суд и пусть он рассудит вас по совести.

Все подчинились совету Сергея Мироновича. Они послали делегатов на съезд.

А там все горцы — осетины, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, черкесы, балкары — все, все объединились за советскую власть.

Почетный старик объяснил им, кто их общий враг.

И они хорошо поняли это.

М Я Т Е Ж

СТРАХАНЬ сторожит устье великой русской реки Волги.

В 1919 году она занимала важное стратегическое положение.

Справа, в калмыцких и донских степях, наступали войска генерала Деникина. Слева к Волге рвались колчаковцы.

Астрахань представляла собою клин, вбитый между белогвардейскими армиями, и не давала им соединиться.

Враги революции — троцкисты — задумали сдать белогвардейцам этот город.

Но подлому предательству помешал Сергей Миронович Киров.

Он приехал в Астрахань в феврале 1919 года.

Ленин и Сталин послали Кирова отстоять эту большевистскую крепость и разгромить белогвардейцев.

Киров стал руководителем обороны Астрахани.

Положение в городе было очень тяжелое. Нехватало продовольствия. Свирепствовал тиф. Его занесли отступающие отряды Одиннадцатой армии. Эта армия в самые жестокие морозы совершила героический поход через безлюдные астраханские степи. Бойцы изголодались, обессилели и нуждались в отдыхе и лечении.

В то же время в Астрахани притаилось много контрреволюционеров: помещиков, царских офицеров, попов и купцов. Все они ждали только удобного момента, чтобы выступить против советской власти.

Однако Киров не испугался трудностей.

Он твердо решил выполнить приказ Ленина.

Сергей Миронович созвал астраханских большевиков и обсудил с ними, как защищать город.

Киров дал клятву.

— Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским!

И он сдержал свое слово.

Сергей Миронович организовал оборону города. И сколько белогвардейцы ни пытались захватить Астрахань, они всякий раз терпели неудачу.

Киров побеждал их в открытом бою.

Тогда враги революции решились на подлое дело.

Они задумали использовать все трудности и поднять мятеж.

Контрреволюционеры припасли много оружия и разработали план мятежа.

Но Киров раскрыл замысел врага. И он принял свои меры.

Сергей Миронович подобрал надежных людей и подготовил артиллерию. В наиболее опасных местах он приказал расставить пулеметы.

10 марта ранним утром над Астраханью раздались тревожные гудки. Это мятежники давали сигнал к выступлению. Они бросились в город. Но надежные красноармейские части встретили их оружейным огнем. Завязался горячий бой. Красноармейцы дрались храбро. Они беззаветно отстаивали каждую пядь советской земли. Однако положение создалось критическое.

Белогвардейцы захватили две церкви, и с колоколен враги открыли по городу пулеметную стрельбу.

А с окрестных станиц на помощь белогвардейцам прибыли казаки.

Командовал белогвардейцами генерал. И он со своим штабом разместился в одном купеческом доме.

Нельзя было терять ни минуты.

Киров решил начать с главного — разгромить белогвардейский штаб.

Он сказал красным командирам:

— Мы создадим у них панику, а затем перейдем в наступление.

Сергей Миронович приказал пустить в ход артиллерию.

Но здесь возникли большие трудности.

Кругом белогвардейского штаба в домах жили мирные советские граждане.

Надо было пальнуть из орудий так, чтобы не пострадали невинные жители.

Это мог сделать только отличный наводчик.

И Кирову сказали, что в Астрахани живет один удивительный старик. Этот старик — замечательный артиллерист, но он отказывается стрелять. Старик заявил: «Я человек беспартийный и мое дело — сторона».

И все же Сергей Миронович приказал отыскать старого артиллериста.

В городе шла жаркая перестрелка, но старик пришел.

Он был высокий, сухой, и на нем, как на вешалке, болталась поношенная, но опрятная шинель. Он держался прямо, по-военному.

Старик расправил длинные седые усы и доложил Кирову:

— Ну, вот я и пришел. Наводчик!

Сергей Миронович рассказал ему, в чем дело.

— Но у вас есть свои артиллеристы, — ответил старик.

Киров охотно согласился:

— Верно, есть свои артиллеристы. Но видишь ли, тут дело особое.

— Какое такое особое? — нахмурился гость.

— Нам нужна точность. Мы должны попасть только в одно место, чтобы не причинить вреда мирным людям.

Киров ясными глазами посмотрел на старика.

А старик подумал: «Эти хозяева города, видать, хорошие люди. Они имеют артиллерию и могут в один час начисто снести пол-Астрахани, но они жалеют мирных граждан, женщин и детей».

Это растрогало старика, и он взволнованно сказал Кирову:

— Я вижу, тут действительно надо стрелять чисто. Это я могу сделать!

Сергей Миронович крепко пожал ему руку.

— Значит сделаешь?

Старик ответил очень веско:

— Ну, Сергей Миронович, раз я сказал, значит так тому и быть!

Киров написал записку командиру батареи.

Наводчик бережно спрятал ее за обшлаг рукава шинели и ушел в крепость.

Скоро оттуда раздались два орудийных выстрела.

Они попали прямо в цель.

Снаряды смели с лица земли купеческий дом, где помещался белогвардейский штаб.

Среди белогвардейцев началась паника.

Тогда они пустились на хитрость. Офицеры переоделись в рабочие блузы. Они хотели выдать себя за рабочих.

Они думали, что тогда красноармейцы не будут в них стрелять.

Кирова, однако, нельзя было обмануть.

Он приказал беспощадно истреблять контрреволюционеров.

Разгромленные, они бросились удирать через Волгу.

Но Киров и тут предупредил их. Он приказал авиации разбомбить лед на реке. Летчики точно выполнили приказ Сергея Мироновича. Они искрошили лед на реке и отрезали противнику путь к отступлению.

Белогвардейцы были уничтожены.

На другой день Астрахань снова жила обычной трудовой жизнью.

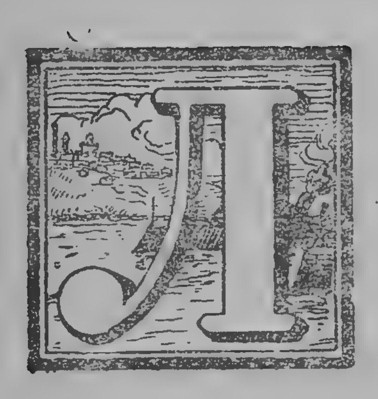
Но Сергей Миронович не забыл товарищей, геройски погибших за дело революции.

Он издал строгий приказ.

И в том приказе Киров велел оказать помощь семьям погибших бойцов и всем тем, кто пострадал от белогвардейского мятежа.

ДОБЛЕСТНОЕ ДЕЛО

ЕТОМ 1919 года храбрый и надежный отряд астраханских матросов попал в ловушку.

Неподалеку от Гурьева, в селе Ганюшкине их окружили белогвардейцы. Врагов было очень много. И они были отлично вооружены. Белогвардейцы имели даже английские пулеметы.

Положение матросов было безнадежное.

Впереди расстилалось Каспийское море, позади — жгучие пески пустыни. А кругом — враги.

На море дымили сторожевые, враждебные нам корабли. А в песках окапывались белогвардейцы. Они решили истребить отряд отважных матросов.

Неожиданно о несчастье храбрецов узнал Киров. Он в то время руководил обороной Астрахани.

Состоялось экстренное совещание. На нем обсудили вопрос, как спасти товарищей.

Каждый вносил свое предложение.

Одни советовали оказать немедленную помощь на самолете. Однако это было бессмысленное предложение. Все знали, что пленников в песках стерегут хорошо ос-

нащенные вражеские гидропланы. Они, конечно, сбили бы наш старенький, изрядно потрепанный самолет, который в шутку все называли «гробом».

Другие предлагали обождать с помощью. Они говорили, что положение может измениться, и тогда матросы сами пробьются. Ясно, что это было совсем плохое предложение. Малейшее промедление — и моряков перебьют враги революции.

Но самое тяжелое было то, что выход в Каспийское море закрывали корабли противника.

И Киров предложил смелый план. Он сказал:

— Мы должны совершить опасное, но доблестное дело — выручить наших товарищей. Берите корабли, берите пароходы, берите десант. Идемте на прорыв, и наша возьмет.

Многие возражали. Кировский план казался дерзким и рискованным. Но Киров настоял на своем.

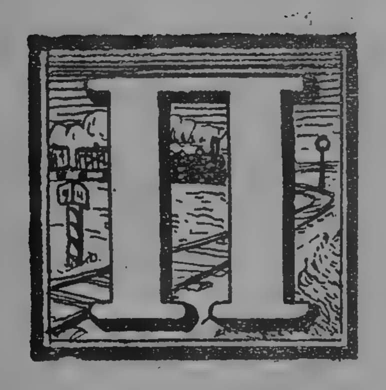
В ту же ночь, в густой темноте, без огня, наш отряд бесшумно прошел между кораблями противника. Он внезапно появился у села Ганюшкина и высадил десант.

Матросы обрадовались. Они бросились в рукопашную на врага.

Белогвардейцы были разгромлены. Нам досталась огромная военная добыча. Храбрые товарищи были спасены от гибели.

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДИР

О ЛЕВОМУ берегу Волги среди степей проходит железная дорога.

Эта единственная железная дорога связывает Астрахань с Москвой.

И белогвардейцы задумали сделать сразу два дела.

Они решили перерезать Волгу и железную дорогу.

Тогда Астрахань окажется в кольце. И никто ей не сможет оказать помощь.

Враги наметили удобное место для нападения.

Они решили овладеть Черным Яром.

Черный Яр — это маленький городок на Волге. Он раскинулся на правом высоком берегу.

Этот городок как бы командует над Волгой и над железной дорогой.

Поэтому белогвардейцы сосредоточили под Черным Яром много своего войска.

И маленький городок с его храбрым небольшим гарнизоном оказался в осаде.

Каждый день здесь происходили жестокие и кровавые схватки.

Много раз белогвардейцы бросались в атаки, но отважные защитники отражали их.

Но летом белогвардейцы подтянули к Черному Яру свежие силы.

И они прорвали фронт.

Враги устремились на утомленный и малочисленный красноармейский гарнизон.

Среди наших бойцов началась паника. Некоторые красноармейцы бросали винтовки, а сами кидались в Волгу. Они стремились переплыть на другой берег.

Ими командовал неопытный командир. И он совсем растерялся.

Он не знал, как прекратить панику.

В эту решающую минуту к берегу подошли два неизвестных баркаса.

Красноармейцы подумали, что это белые зашли в тыл и хотят их отрезать. Это еще больше усилило панику.

Но тут с баркасов раздались орудийные выстрелы.

Они метко ударили по врагам. Все поняли, — подошла помощь.

А один баркас «Коммунистка» вплотную подошел к берегу.

С баркаса сошел невысокий широкоплечий человек в простой косоворотке.

Он быстро отыскал командира и назвал себя. Однако командир так разволновался, что не мог ничего сказать.

Человек в простой косоворотке сказал ему:

— Успокойтесь! Возьмите себя в руки. Идем вперед!

И они пошли навстречу отступающим.

Кругом рвались снаряды. Свистели пули. А впереди на солнце сверкали казачьи клинки вражеской конницы.

Широкоплечий человек сурово сдвинул брови.

Он бесстрашно шел вперед.

Вскоре с ним поровнялись отступающие красноармейские взводы. Он поднял руки и закричал:

— Стойте, товарищи!

Все узнали Кирова.

Бойцы воспрянули духом. По рядам побежала радостная весть:

— Стойте, к нам прибыл товарищ Киров.

А Сергей Миронович крикнул бойцам:

— За мной, товарищи! К нам подходит помощь.

Услышав голос Кирова, красноармейцы повернули назад. Они яростно бросились на врага.

Впереди их первым бойцом шел в атаку Киров.

Он отважно вел красноармейцев в бой.

И белые не устояли перед грозной лавиной.

Они позорно бежали.

Когда окончился бой, красноармейцы окружили Кирова.

Бойцы с восхищением говорили ему:

— Вы отважный командир, товарищ Киров. Но зачем вы всегда впереди? Если вас убьют, какая же армия без командира?

Киров на это ответил:

— А какой же командир, если он всегда будет плестись в хвосте?

БЕССТРАШИЕ

КИРОВ и командиры переправлялись через Волгу.

Они плыли на барже.

На этой барже были погружены автомобили и военные материалы.

Баржа шла по широкому речному простору. Ярко светило солнце.

И баржу на Волге далеко было видно с берегов.

Ее заметили белые и задумали потопить.

Когда баржа выплыла на середину Волги, белогвардейцы стали стрелять в нее из пушек.

Один снаряд попал в нос баржи, а другой ударил в корму.

Баржа затрещала и стала наполняться водой.

Товарищи Сергея Мироновича приготовились прыгать в воду.

А Киров спокойно сказал:

— Не делайте этого. По всему видно, баржа доплывет до берега и вы сойдете сухими.

Бесстрашие Кирова успокоило товарищей.

Под орудийными выстрелами изуродованная баржа добралась до берега.

Автомобили сгрузили.

Сергей Миронович и его спутники спокойно сели в машины и уехали.

Они торопились на передовую линию.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПАРНИШКА

ГОДЫ гражданской войны под Астраханью шли ожесточенные бои. Белые стремились захватить город, но красноармейцы героически обороняли его. Защитой города руководил штаб революционной армии. А товарищ Киров был членом военно-революционного совета. Он и командарм по многу ночей дежурили в штабе у аппарата. Они принимали сводки и отдавали по телеграфу боевые приказы.

Бывали случаи, когда Сергей Миронович от усталости засыпал тут же у столика.

В одну из ночей, когда он дежурил в штабе, ему принесли радиограмму из Баку.

Сергей Миронович очень удивился, — кто бы это мог послать радиограмму? В Баку в это время хозяйничало буржуазное правительство.

Но каково было его изумление, когда он прочел радиограмму.

Неизвестный человек очень сжато, но четко, по-военному сообщал о замыслах белогвардейцев против красных.

Киров, конечно, не поверил сообщению. Он даже подумал, что это просто провокация.

Как осторожный человек, он решил проверить полученные сведения и запросил об этом большевиков, которые работали в Баку, в подполье.

Что же оказалось?

Оказалось, что неизвестный корреспондент сообщал правду.

В последующем он регулярно стал слать в штаб красных свои точные радиограммы. Этим он очень помогал красным.

Так продолжалось несколько месяцев, пока Красная Армия не разгромила белых. А разгромив их, она стала наступать и взяла город Грозный, а затем и Баку.

Тут и произошла первая и последняя встреча товарища Кирова со своим таинственным корреспондентом.

Случилось это так.

В штаб явился совсем молоденький парнишка и спросил товарища Кирова. Его проводили к Сергею Мироновичу.

Этот парнишка спросил, получали ли в штабе его радиограммы, адресованные в Астрахань.

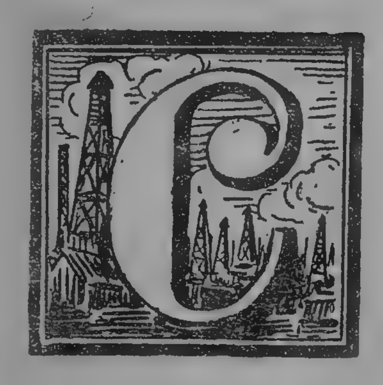
Ему подтвердили это, и осчастливленный парнишка ушел из штаба.

В спешке товарищ Киров забыл даже спросить его фамилию.

Он часто потом жалел, что ему больше не пришлось встретиться с этим парнишкой.

ЧАСОВОЙ

ЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ работал секретарем Центрального Комитета коммунистической партии Азербайджана. Он очень заботился о нефтяных промыслах и уделял большое внимание их охране. В городе была раскрыта вредительская банда. Белогвардейцы пытались поджечь нефтяные промыслы. Сергея Мироновича это очень беспокоило, и он сам проверял охрану промыслов. Часто после утомительного трудового дня, когда Баку спало, Киров объезжал нефтяные вышки и опрашивал часовых. Охрана была составлена из рабочих, и они очень зорко берегли промыслы.

Но однажды Сергей Миронович встретил одного ротозея. Была глухая ночь, когда он объезжал караулы в Сураханах и у одной будки застал дремлющего часового. Караульный сидел на земле, привалившись спиной к стенке будки, и сладко посапывал. К нему подошел Киров и взял у него из рук винтовку.

Часовой мгновенно проснулся, протер глаза и вдруг узнал Кирова.

Он много раз встречал товарища Кирова на промыслах и раньше. Тогда Сергей Миронович был ласковый и приветливый.

А сейчас лицо Кирова было сурово.

Часовой потянулся за винтовкой, но товарищ Киров отвел его руку и сказал строго:

— Нет, ты больше не получишь ее! Оружие должно находиться в надежных руках.

Часовой побледнел, опустил голову.

Он понял, что совершил перед революцией большое преступление.

ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ

А БИБИ-ЭЙБАТСКИХ промыслах, на одной из буровых вспыхнул пожар. Горящий фонтан нефти высоко поднимался к ночному небу и окрашивал его багровым заревом. В Баку все переполошились. Возникла опасность, как бы пожар не перекинулся на все промыслы.

Сергей Миронович возвращался с заседания, когда вспыхнуло зловещее зарево. Он догадался о несчастье на промыслах и немедленно помчался туда.

Биби-Эйбатские промыслы хорошо охранялись и, как только Киров подъехал к воротам бухты, часовой спросил у него пропуск.

Пропуска у Сергея Мироновича не оказалось, и красноармеец сказал ему:

— Товарищ, я вас не могу пропустить!

— Но ведь на промыслах пожар, и я должен быть там! — возразил Сергей Миронович, указывая на бушующее пламя.

— Именно там пожар, и я без пропуска не пущу, — еще строже отозвался часовой.

Киров не знал, что делать. Тогда шофер, который привез его, шепнул красноармейцу:

— Пропусти, ведь это Киров. Он может еще обидеться.

Часовой подтянулся и твердо сказал:

— Я не знаю товарища Кирова в лицо и потому без пропуска не пущу. Обидеться на меня никто не имеет права. В эту минуту я выполняю свой гражданский долг.

Когда погасили пожар, Сергей Миронович вспомнил о часовом и велел объявить ему благодарность и наградить часами.

Красноармеец узнал об этом и подумал:

«Выходит и верно, это был сам товарищ Киров. Он-то хорошо понимает, что нельзя обижаться, когда человек строго исполняет свой гражданский долг».

Х Л Е Б

ОГДА в Баку приехал Киров, на нефтяных промыслах он застал разруху и запустение. Враги советской республики, бывшие хозяева и интервенты, перед своим уходом постарались многое из оборудования уничтожить и разрушить, чтобы оно не досталось рабочим.

Работать поэтому было трудно: во всем ощущались недостатки. Но Киров не унывал. Он собрал старых, опытных рабочих и посоветовался с ними, как наладить промыслы.

И вот прошло немного времени — стали ремонтировать нефтеперегонные заводы. Рядом со старыми кубовыми батареями на пустырях соорудили первые трубчатые установки. А неподалеку от промыслов, на бугорке, появились чистенькие домики, обсаженные зеленью. Это отстроился новый рабочий поселок. В нем открыли новые магазины, амбулаторию и клуб.

Сергей Миронович часто наезжал на промыслы и попрежнему советовался с рабочими. Он очень внимательно выслушивал их и иногда узнавал, что делать дальше.

Кирова беспокоило, что производственный план по добыче нефти не выполнялся.

«В чем дело? — думал он. — Мы сделали многое, но, видимо, рабочим чего-то нехватает».

На рабочем собрании он спрашивает бурильщика Ших-Али:

— Скажи, товарищ, в чем ты видишь еще непорядок? Что еще нужно, чтобы промыслы лучше работали?

— Хлеб, — коротко ответил на это Ших-Али.

Киров удивился. Он вынул из кармана записную книжку, заглянул в нее. По записке все обстояло хорошо: бакинские промыслы полностью удовлетворялись хлебом.

И тогда Сергей Миронович сказал:

— Но ведь хлеба рабочим отпускается вдоволь, а ты говоришь нужен хлеб?

Ших-Али прошел вперед:

— Верно, хлеба нам отпускают вдосталь, но ты погляди, что с ним делают!

Он протянул Кирову кусок плохо испеченного хлеба.

— Кто выпекал этот хлеб? — спросил Сергей Миронович.

— Этот хлеб выпекала наша пекарня, и я могу показать ее.

Киров подошел к Ших-Али и предложил ему:

— Едем, сейчас едем. Нельзя допускать, чтобы они портили хлеб.

Он пригласил Ших-Али в машину, и они поехали в пекарню.

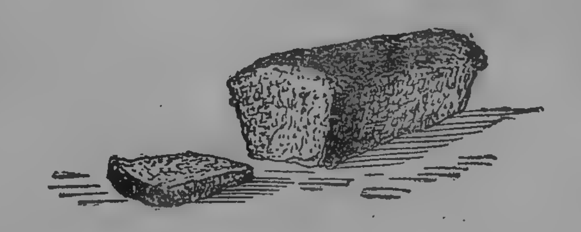
Там они увидели, что на одних полках лежал хороший хлеб, а на других — плохой. Это был тот самый хлеб, который показывал на собрании Ших-Али. Хоро-

ший хлеб пекарня сбывала буржуям-нэпманам, а плохой отсылала на промыслы.

Киров приказал открыть амбар. Там он увидел много хорошей муки, которую прятали от рабочих.

Тут все стало ясно: в пекарне орудовали вредители.

Их арестовали, и на промыслах появился хороший хлеб.

„ТЫ ОДИН, А НАС МНОГО“

ЧЕРНОМ городе, на промыслах, в 1921 году вспыхнул нефтяной пожар. Товарищ Киров организовал бригады по его тушению. Рабочие энергично боролись с огнем. Они старались засыпать песком горящие потоки нефти и буровую скважину.

Лучше всех работала бригада старого рабочего Джафара. Старик сорок лет проработал на нефтяных промыслах и поэтому хорошо знал, как бороться с коварным огнем. Он толково распоряжался, а рабочие таскали к горящему фонтану песок в мешках.

За работой никто не заметил, как появился коренастый, перемазанный нефтью и грязью парень. У него, как у негра, белели только зубы да белки глаз.

Но зоркий старик приметил этого парня и недовольно подумал:

«Наверно, лодырь, и он, конечно, отбился от соседней бригады!»

Джафар закричал парню:

— Эй, эй, молодец, надо помогать!

Парень не стал спорить. Он присоединился к рабочим и стал помогать им. Он бесстрашно бросался к горящему фонтану. Одежда на его крепкой спине дымилась от жара. Казалось, этот человек не знает усталости. Старик с восхищением подумал:

«Хороший работник! Напрасно я подозревал, что он лодырь».

Бригада Джафара не покладая рук работала много часов. И усерднее всех старался парень с широкими плечами. Он несколько раз куда-то убегал, а затем снова быстро возвращался.

Когда этот парень отлучился в первый раз, старый Джафар согрешил и подумал:

«Ну, я так и знал: он улучил минутку и, когда я отвернулся, сбежал».

Однако парень скоро вернулся и снова с жаром взялся за работу, а старику Джафару стало стыдно за свое подозрение.

К утру дружными усилиями бригады горящий фонтан погасили. Рабочие легко вздохнули.

К парню подошел старик Джафар. Он восхищенно похлопал его по плечу и похвалил:

— Молодец! Ты хорошо помогал выполнять приказ товарища Кирова. Спасибо, парень!

Но тут рабочие подтолкнули старика Джафара:

— Да ты всмотрись лучше! Какой же это парень? Это товарищ Киров.

Старик растерялся, но через минуту он укоризненно качал головой:

— Ай, ай, как нехорошо! Зачем ты это делал?

Лицо Сергея Мироновича озарилось теплой улыбкой:

— Я же выполнял приказ штаба.

Старик, однако, не сдался.

— Так нельзя делать, — сказал он. — Тут было очень опасно для жизни. Ты один, а нас много.

Все поняли, что старик сильно любит Кирова и сейчас очень досадует на то, что в горячке не узнал его.

А рабочие давно догадались, кто был с ними, да помалкивали. Они боялись, чтобы он не ушел. С Кировым работать было легче и смелее. Огонь ведь не шутка!

З А Б О Т А

НЖЕНЕР Шахназаров был послан в Америку, где хорошо изучил газовое дело. Когда он вернулся в Баку, его назначили руководить работами газовых отделов по всему Апшерону. Инженер добросовестно выполнял задание. С утра до глубокой ночи, а случалось даже и ночью, он обходил места добычи газов. Но на Апшеронском полуострове имеется много нефтяных промыслов: Сураханы, Балаханы, Самбучи, Биби-Эйбат, Черный город. Всех мест работы в неделю не обойдешь. А инженер Шахназаров часто бывал нужен в тот же день в противоположных концах Апшерона. Он успевал в одно место, а в два других не приходил. Видя такое свое бессилие, он стал просить начальника о машине.

— На автомобиле можно везде побывать и дать своевременный совет, — уговаривал инженер начальника.

Но тот безжалостно сказал ему:

— Зачем инженеру ходить и суетиться? Газовое дело не стоит того. Давай не будем говорить об этом!

Так и не дал он инженеру машины.

Тут настала осень, подули пронзительные морские ветры. Шахназарову стало очень трудно обходить промыслы. Он совсем упал духом, даже подумывал уйти с работы. Ему было совестно, что его знания не используются полностью.

Однажды в холодный, ветреный день он стоял у трамвайной остановки в Черном городе. И вот он видит, что мимо проезжает на машине начальник Азнефти. Инженер попросил подвезти его. Начальнику неудобно было отказать, и он разрешил Шахназарову сесть в автомобиль. Инженер уселся рядом с начальником, и они поехали. Впереди сидели шофер и какой-то товарищ в кепке, лица которого Шахназаров не видел.

Конечно, инженер не вытерпел и снова пожаловался начальнику Азнефти. Он заявил, что бессилен руководить таким важным делом, как газовое, если не дадут ему машины. И даже сказал, что уйдет со службы.

В его словах было столько искренности и горечи, что сидевший рядом с шофером человек в кепке не утерпел и громко сказал:

— Так, так...

Человек этот быстро повернулся. И тут Шахназаров узнал в нем Кирова.

«Лучше теперь сквозь землю провалиться, — с досадой подумал инженер. — Зачем я пожаловался при нем? Он подумает, что я смалодушествовал».

Сергей Миронович снова покачал головой и хорошо улыбнулся:

— Так, так...

На другой день к инженеру подошел его друг и сказал:

— Знаешь, вчера на рабочем собрании товарищ Киров говорил о тебе.

Шахназаров со страхом подумал:

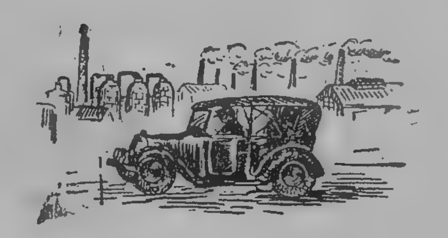
«Ну и высмеял меня, должно быть, за мое малодушие».

И тут он с волнением спросил друга:

— Что же говорил обо мне товарищ Киров?

— Он сказал, что Азнефть не умеет использовать свои лучшие кадры. Вот, например, специалист по газовому делу инженер Шахназаров, которого страна учила в Америке, много дорогого времени тратит на пешее хождение. А что может сделать такой хороший руководитель без машины при огромных пространствах, какие занимают наши нефтяные промыслы. Инженеру Шахназарову непременно надо помочь!

Вскоре после этого инженер получил машину.

НА ОХОТЕ

ИРОВ любил охотиться. Охоту он считал лучшим отдыхом. В выходные дни шофер Карапет увозил его в Килязи, на берег Каспия. Там Сергей Миронович надевал через плечо сумку, патронташ, ружье и удалялся.

Шофер отдыхал в машине и прислушивался к выстрелам. Они слышались часто, и Карапет мысленно подсчитывал добычу. Он убедился, что Киров — хороший стрелок и редко промазывает.

И верно, спустя час — другой Карапет слышал условный сигнал. Это Сергей Миронович звал его к себе на помощь. Он не мог один унести всю настрелянную дичь.

Карапет шел и помогал Кирову.

Однажды на охоте, за завтраком, Сергей Миронович заметил, что у камышей сели кулики. Он уже порядком устал и предложил шоферу пострелять. Тот охотно согласился.

Киров протянул ружье и, шутливо поплевав на него, сказал:

— Ни пуху, ни пера! Валяй, Карапет!

Шофер взял ружье и стал подкрадываться к дичи.

Он много набил ее. Даже Киров поразился его успеху.

— С успехом! — поздравил он его. — Ишь сколько настрелял!

— Но я тут не при чем, — возразил Карапет. — Это не я, это ваше хорошее ружье. Оно, как магнит, притягивает к себе цель.

Сергей Миронович весело рассмеялся:

— Верно, ружье мое как магнит. Но и ты неплохой стрелок.

Для Карапета это была самая высокая похвала.

ДОРОГАЯ ПАМЯТЬ

АРАПЕТ четыре года работал шофером машины Кирова. Вместе с ним он объезжал промыслы и заводы. Там рабочие всегда радостно встречали Кирова. Они подбегали к машине, и каждый старался поздороваться с товарищем Кировым за руку. Сергей Миронович беседовал с ними о делах и для каждого находил хорошее слово.

Карапету было приятно сознавать, что рабочие так любят товарища Кирова, и он очень гордился своим пассажиром.

Киров был простым человеком и часто приглашал шофера к себе на обед. За столом он вел с ним задушевные беседы.

Шофер имел затаенную мечту. Он никому об этом не говорил, даже жене. Но однажды за обедом он сознался товарищу Кирову:

— Я хочу быть летчиком.

— Это хорошо, — ответил Сергей Миронович. — Но я завтра уезжаю в Москву, а когда вернусь, то пошлю тебя в школу летчиков.

Однако Киров не вернулся. Центральный Комитет партии послал его в Ленинград. Но и там, среди боль-

шой работы, Сергей Миронович не забыл бакинского шофера и писал ему. Он звал его к себе. Но у Карапета плохо сложились семейные дела. То жена была больна, то дети, то еще что-нибудь случалось, — так он и остался в Баку.

Прошло несколько лет.

И вот неожиданно старый шофер получил посылку из Ленинграда.

Он вскрыл ее. В посылке заботливой рукой жены Кирова, Марии Львовны, были бережно уложены шлем, очки, краги, сорочка и галстук.

И самое важное — записка Сергея Мироновича.

Сердце Карапета сильно забилось:

«Вот он какой, товарищ Киров! До сих пор не забывает меня».

Он стал быстро собираться в Ленинград.

Но тут пришла страшная весть: подлые враги народа из-за угла убили товарища Кирова.

Старый шофер не находил себе места от душевной боли. Он бережно, как самую большую драгоценность, уложил подарок и дал себе клятву хранить его до самой смерти как дорогую память о Кирове.

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

УТИЛОВСКИЙ завод в Ленинграде получил серьезное и почетное задание. Правительство поручило ему производство тракторов.

Раньше тракторы привозились к нам из Америки. Поставлялись они заводом Форда и назывались «фордзонами».

Теперь ленинградские рабочие должны были сами сделать свой «Фордзон путиловский».

Дело было сложное и незнакомое.

Многие, даже опытные рабочие, растерялись перед трудностями.

Этому обрадовались враги народа, притаившиеся на заводе.

Они старались посеять среди рабочих панику, запугать их. Вредители говорили рабочим, что трактора нам не сделать. Они настаивали пойти на поклон к Форду.

Враги народа задумали сорвать производство тракторов на нашем советском заводе.

Но они забыли одно важное обстоятельство.

В Ленинграде жил и руководил всей работой верный ученик товарища Сталина — Сергей Миронович Киров.

Правда, он работал здесь только первый год, но, несмотря на это, превосходно знал о работе каждого ленинградского завода.

Сергей Миронович всегда появлялся там, где возникали трудности.

Так случилось и теперь.

Товарищ Киров немедленно приехал на завод, и рабочие сильно обрадовались ему.

«Теперь дело наверняка пойдет», — подумали они.

Но, к сожалению, среди рабочих были и такие, которые все еще сомневались. При этом некоторые руководители завода стали перечислять трудности и расхолаживать рабочих.

Сергей Миронович слушал их и хмурился.

Когда эти паникеры кончили свои речи, он встал и просто, задушевно сказал рабочим:

— Вы слышали, товарищи, сколько тут страхов нарисовали. А в это самое время в нашей стране сейчас организуются крупные социалистические хозяйства — совхозы и колхозы. И наша партия большевиков не пойдет назад. Она поведет крестьянство к светлой и радостной жизни! Но переделать нашу отсталую деревню, однако, не легко. Для того чтобы повернуть ее на колхозный путь, нужны тракторы. Эта машина не только увеличит урожай на полях, но поможет нам изменить и самое сознание крестьянина. Поэтому мы должны во что бы то ни стало решить эту трудную задачу.

— Не выйдет это у нас, Сергей Миронович, — это технически невозможно! — заявил один из руководителей завода.

Это замечание нисколько не смутило товарища Кирова.

Он сурово посмотрел на паникера и сказал:

— Не знаю, как технически, но по-коммунистически это может и должно быть сделано!

— Вот это верно! — поддержали Кирова рабочие.

Глаза у них заблестели веселым огоньком, — они улыбались Сергею Мироновичу.

Он понял, что путиловцы осилят все трудности.

А их действительно было много, но все они были устранимые.

Когда путиловцы приступали к большой работе, Сергей Миронович каждый день стал приезжать на завод и подолгу там оставался.

И вот что он заметил.

Когда бы он ни приезжал — днем ли, ночью — во многих мастерских стояла темень.

— Что это у вас? — спрашивал товарищ Киров. — Днем здесь ночь. И ночью — ночь. Здесь такая темень, точно у нас и революции не было.

Мастер покраснел и распорядился немедленно вымыть окна в мастерских.

Тогда сюда заглянули свет и солнце.

При свете все увидели, как в цехе грязно и мусорно. Просто совестно стало смотреть на такое бескультурье.

Однако работа на заводе все-таки не клеилась.

Когда об этом пожаловались товарищу Кирову, он указал на то, чего другие до сих пор не замечали.

— Мало убрать грязь и мусор, надо правильно расставить станки.

И он посоветовал, как лучше это сделать.

Вредители прекрасно понимали, что при таком положении дело может действительно наладиться. Поэтому они постарались внести полный ералаш в расстановку станков.

Все станки перепутали и свалили в кучу. Поди, теперь разбирайся! Не скоро наведешь порядок.

Товарищ Киров увидел эту безобразную неразбериху и ахнул от досады.

— Это мне сильно напоминает цыганский табор, — с горечью сказал Сергей Миронович, — но у цыган есть одно неплохое качество. Это умение быстро собрать монатки и двинуться в нужном им направлении. А вы?

Рабочим стало стыдно перед товарищем Кировым.

В эту минуту они догадались, что кто-то тайно мешает и тормозит их работу.

К Сергею Мироновичу подошел старый мастер. Этот старик сорок лет работал на Путиловском заводе. Он был потомственный и честный рабочий.

Рабочий сказал товарищу Кирову:

— Погодите, мы сейчас наведем здесь порядок. Это верно, завод — не цыганский табор.

Старый мастер сдержал свое рабочее слово.

Когда снова приехал Сергей Миронович, он увидел в тракторных мастерских полный порядок.

Но дела попрежнему шли не быстро. То где-нибудь «заест» в станках, то испортят деталь, то еще что-либо.

И пока еще не сделали ни одного трактора.

И вот однажды Киров подходит к одному рабочему и спрашивает его:

— Ну, как дела?

— Плохи, Сергей Миронович, — при этом рабочий опустил глаза и тяжело вздохнул. — Думается мне, не выполним мы этого дела...

Товарищ Киров положил руку на плечо рабочего и заглянул ему в глаза.

— То есть, как это мы не выполним дела? А ведь знаешь, я дал слово Политбюро и правительству, что ленинградские рабочие сделают это.

Как только Сергей Миронович сказал эти слова, рабочий встрепенулся; он даже весь засиял.

— Неужто слово Политбюро дали? Выходит, и перед товарищем Сталиным за нас поручился?

— И перед товарищем Сталиным поручился.

— Ну вот, Сергей Миронович, тракторы будут! Не могут путиловские рабочие осрамиться перед товарищем Сталиным. Не будет этого!

Они оба засмеялись и крепко пожали друг другу руки.

На следующий день про этот разговор узнал весь завод, и все рабочие с невиданной энергией взялись за дело.

Красные путиловцы не подвели Сергея Мироновича.

Они сделали тракторы в срок. Один за другим они сходили с конвейера. На всех машинах поблескивала новенькая заводская марка «ФП». Это означало «Фордзон путиловский».

Тем временем на пустыре у завода испытывали первый трактор. На испытании присутствовали колхозники, агрономы, инженеры.

А рядом с товарищем Кировым стоял путиловский мастер.

Он сильно волновался и нетерпеливо в сотый раз спрашивал себя:

— Ой, пойдет ли? Ой, будет ли пахать?

К трактору прицепили многолемешный плуг. Механик взобрался на сиденье и дал газ.

Трактор загудел и пошел. Он пошел послушно и уверенно.

За ним черными лентами легко и плавно переворачивались пласты земли.

Старый мастер больше не смог удержаться. Он схватил Сергея Мироновича за руку и закричал весело:

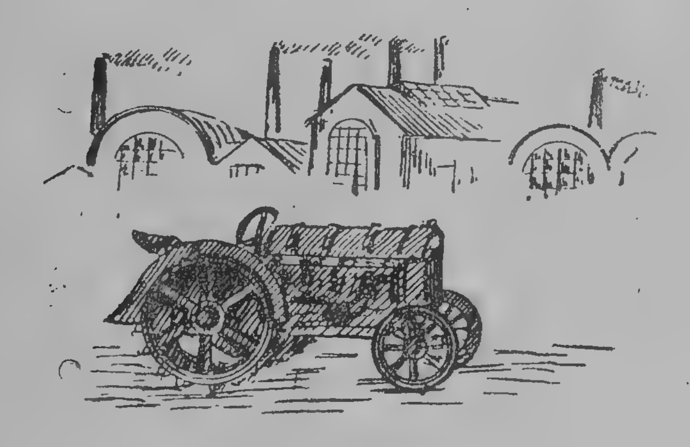
— Смотри, смотри, как шагает наш Федор Петрович!

Товарищ Киров радостно улыбнулся в ответ старому мастеру:

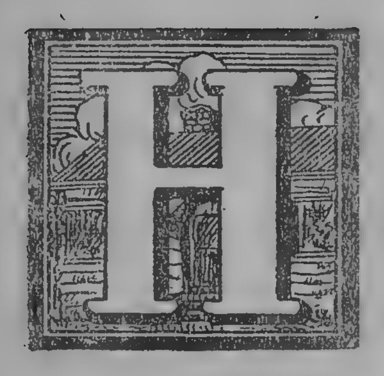
— Погоди, еще не то будет. Увидишь, старик, как далеко он шагнет!

И верно, — вскоре после этого «Федоры Петровичи» дружно загудели на социалистических полях нашей родины!

Они взрывали землю, запахивали межи узких полос и под тяжелыми земными пластами навсегда хоронили старую жизнь.

ВЕЖЛИВОСТЬ

А ГДОВСКИЕ сланцевые рудники неожиданно приехал Киров.

Сразу с дороги он зашел в столовую.

Сергей Миронович там внимательно проверил, как готовится пища для рабочих. Он даже попробовал ее и остался доволен. Из столовой Киров отправился к ларьку.

На первый взгляд все это были мелочи. Но Сергей Миронович знал, — мелочи в жизни человека играют большую роль.

Поэтому он всегда был внимателен даже к мелочам.

Сергей Миронович подошел к ларьку.

А ларек выглядел неуютно и грязно. Стекла в нем видимо никогда не мылись. Товары на витрине были навалены в беспорядке. Они покрылись пылью и имели самый непривлекательный вид.

За прилавком стоял продавец. Он был сонный, небритый.

Сергей Миронович нахмурился.

Он стал сосредоточенно рассматривать товары на витрине и ко всему прицениваться.

Киров хотел знать, что и сколько стоит.

Но продавец на все вопросы Кирова неразборчиво мычал.

Он был груб и даже как бы раздражался оттого, что покупатель выбирает и приценивается.

Сергей Миронович осмотрел товары. Он сказал продавцу:

— Плохо торгуете, хозяин.

Продавец сразу обиделся и закричал на Кирова:

— То есть, как это плохо? Вовсе не плохо. Товар у меня весь расходится. А вот ты сильно разборчив. Надо — бери, плати и уходи! Разговор у меня короткий.

Он грубо взял из рук Сергея Мироновича рассматриваемый товар и положил за стекло.

— У меня все нарасхват. И тебе нечего разглядывать!

Продавец сердито отвернулся от покупателя.

Киров не обиделся, не смутился от такого обращения.

Он спокойно, внушительно сказал продавцу:

— То, что товар идет хорошо — вовсе не ваша заслуга. Советский рабочий — культурный человек. Он хорошо зарабатывает и потому много покупает. А вот вы торгуете плохо. Смотрите!

Сергей Миронович указал продавцу на витрину.

— У вас здесь все свалено в кучу и запылено. Одним словом, не культурно торгуете. И с покупателем разговариваете не совсем вежливо.

Продавец вспыхнул, как порох. Он заорал:

— Это я-то невежливо говорю с покупателем? Это я-то некультурно торгую? Ах ты такой-сякой!

Киров и тут не потерял самообладания.

Он засмеялся и сказал продавцу:

— Ну разве это вежливо?

В эту минуту к ларьку подошли комсомольцы.

Они узнали, что на рудники приехал Киров, и пошли его разыскивать.

Они увидели его и закричали весело:

— Здравствуйте, Сергей Миронович! А мы вас ищем. О деле хотим поговорить.

Продавец подозвал к себе одного комсомольца и спросил:

— Это еще какой Сергей Миронович?

— Такой! Это ведь товарищ Киров.

Продавец тут хватился за небритый подбородок.

— Батюшки, вот так показал я себя!

Ему стало очень неудобно перед Кировым. Он наклонился над витриной и стал наводить там порядок.

У него нехватило даже смелости извиниться перед Сергеем Мироновичем за грубость.

Он совсем растерялся.

Но Киров вежливо поклонился продавцу и сказал приветливо:

— Всего хорошего, товарищ. Так вы уж не обижайтесь на меня.

— Что вы, что вы, товарищ Киров. Это я виноват кругом. И вы меня хорошо проучили.

Они расстались.

Киров ушел с комсомольцами. А продавец остался в ларьке.

Он взял тряпку и стал наводить порядок.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТА

ОД городом Гдовом находятся сланцевые рудники. Там работало много комсомольцев.

Рудники организовались недавно, и поэтому жилось там комсомольцам тяжело. Дирекция рудников нисколько не старалась улучшить положение молодежи.

Комсомольцы жили в бараках. Крыши бараков протекали. Ляжешь в постель, а сверху внезапно окатит холодный душ. Сядешь за стол чай пить, на стол капает. Просто противно жить в таких бараках.

На рудниках — никаких развлечений.

А жить комсомольцам хотелось культурно.

Видя, что администраторы не шевелятся, комсомольцы решили написать подробное письмо Сергею Мироновичу Кирову.

Ровно через два дня на сланцевые рудники приехал Киров.

Он осмотрел рудники и жилье рабочих, прошел в барак, в котором жили комсомольцы.

Сергей Миронович сказал им с улыбкой:

— Ну, ребята, а теперь говорите, чего вам нехватает, чтобы работать хорошо, по-большевистски, со страстью?

Комсомольцы переглянулись, молчат и не знают, с чего начать.

Когда они написали письмо и ждали Сергея Мироновича, то приготовили большие речи.

А тут все вышло просто.

Сам Киров стоял перед ними такой простой и сердечный.

Речей вовсе не понадобилось.

Из такого неловкого положения выручила всех одна комсомолка. Ее имя было — Марта. Но все на руднике называли эту девушку — маленькая Марта.

Называли ее так потому, что она действительно была маленького роста и хрупкая. Она скорее походила на подростка, чем на девушку.

Она осмелела, протиснулась вперед и пропищала тоненьким голосом:

— Посмотрите, Сергей Миронович, какие выдали нам здесь галоши для работы. Я в них всегда сама себе наступаю на ноги.

Она сказала это и вдруг вся смелость сразу пропала.

Маленькая Марта растерялась и подумала про себя:

«И к чему я сунулась со своими галошами. У товарища Кирова есть дела куда посерьезнее».

Но тут все невольно посмотрели на ноги маленькой Марты.

И они увидели, что на маленьких ногах девушки были огромные галоши. Вид у Марты действительно был очень смешной.

Она наверное ходила в этих галошах, как Чарли Чаплин в цирке в своих больших ботинках.

Все расхохотались.

Веселее всех смеялся Киров.

Марта покраснела и улыбнулась.

Сергей Миронович сказал ей:

— Ладно, не горюй, Марта, этому горю пособить можно. Как-нибудь, общими силами справимся с твоей бедой.

Тут сразу все заговорили.

Они рассказали Кирову о всех своих нуждах.

А Киров все тщательно записывал в записную книжечку.

И у каждого была своя особенная просьба.

Один просил прислать фотоаппарат. Другой мечтал о гитаре. Третьему хотелось иметь хорошие книги.

Сергей Миронович обещал комсомольцам помочь.

Вскоре он уехал.

Прошло немного времени, и на руднике все стало улучшаться. Крыши в бараках немедленно починили. Выдали новую спецодежду.

А через две недели на рудник пришла посылка.

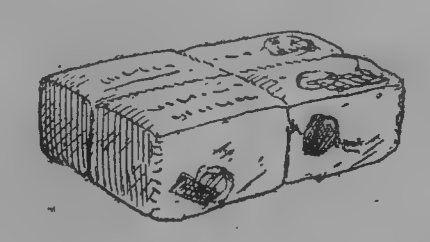
Прислал ее Киров.

Когда посылку вскрыли, то нашли в ней все, что просили.

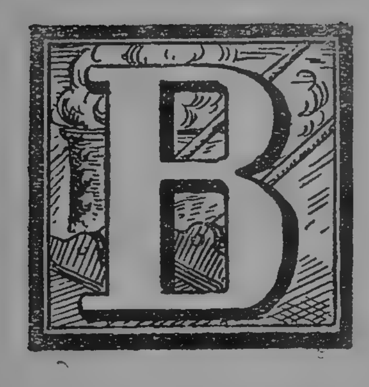
Но больше всех обрадовалась маленькая Марта.

Сергей Миронович прислал ей новые ботинки и галоши.

И они были ей как раз по ноге.

ЧУТКОСТЬ

ЛЕНИНГРАДЕ рабочие асфальтировали Удельный проспект. Одни из них варили в огромных котлах смесь из асфальта и песка. Они помешивали особыми лопатками горячую кашу, которая издавала смолистый запах. Другие подносили готовую массу асфальта и покрывали ею утрамбованную щебенку. Тут тяжелые катки прессовали и утюжили асфальт. После этого получалась чистая, гладкая, как скатерть, дорога.

Все были заняты работой. Но время от времени в бригаде раздавались взрывы задорного смеха. Никто из прохожих не догадывался, в чем дело, над чем, собственно, смеются рабочие.

Неподалеку от трамвайной остановки сидела девушка-работница и утирала слезы. Это над ней и смеялись асфальтщики. Она только-только начала работать, и ничего у нее не получалось. Старшие товарищи не хотели работницу поучить. Они упрекали ее и вышучивали.

Девушке, конечно, было очень обидно.

От обиды она и плакала.

Раздается дребезжащий звонок, к остановке шумно подходит трамвай. Из него выходят пассажиры. Асфальтщиков они нисколько не интересуют. Пассажиры — как пассажиры: приехали, слезли и разошлись. Мало ли мимо проходит всякого народа, на то и проспект!

Но тут одна работница увидела, что с передней площадки трамвая сошел товарищ Киров. Она раньше несколько раз его видела и теперь обрадовалась, что узнала Сергея Мироновича.

— Товарищи, смотрите! — сказала она асфальтщикам. — К нам на трамвае приехал товарищ Киров. Кажется, он идет сюда.

Рабочие, конечно, не поверили, посмеялись над таким предположением:

— Будет врать! Зачем товарищу Кирову ездить такую даль на трамвае. Разве у него нет машины?

Но это на самом деле был Сергей Миронович. Он приветливо поздоровался с рабочими и стал обходить работы. Он похвалил рабочих, — они хорошо асфальтировали проспект.

Сергей Миронович осмотрел работы и снова вернулся к трамвайной остановке. И тут он увидел девушку, которая была вся в слезах.

Это взволновало Кирова. Он подошел к работнице и спросил, почему она плачет. И она, не скрывая, рассказала про свое горе.

Киров внимательно выслушал ее.

— Да ты не огорчайся! — успокоил он девушку. — Это дело нехитрое. Идем, я покажу тебе, как это делается.

Он взял из ее рук инструмент, и они пошли к месту работы. Тут Киров стал показывать, как надо делать.

Девушка, конечно, сразу забыла про слезы. Она сияла от радости. Немного спустя Сергей Миронович вернул ей инструмент:

— Ну, видишь теперь, как надо работать?

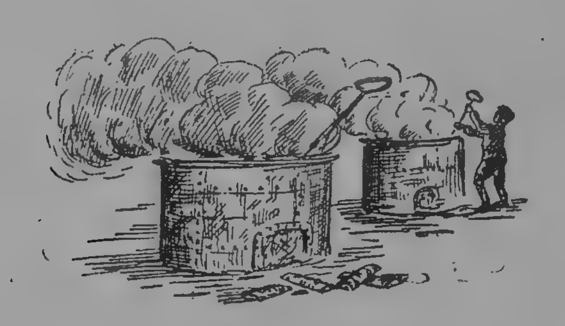
Работница все поняла, что ей надо делать. Сергей Миронович сел в трамвай и уехал.

Тогда старый рабочий сказал асфальтщикам:

— Что же это мы, товарищи, опростоволосились. Товарищ Киров, большой и очень занятый человек, находит время учить других, а мы нет! Потом мы смеялись, а над чем? Я так думаю, что смеяться над неумением — вредная вещь.

Все согласились со старым рабочим, что они опростоволосились.

И чтобы загладить свою ошибку, асфальтщики наперебой друг перед другом стали помогать девушке.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

АБОТНИЦА Иванова жила в Ленинграде. Она была вдова и имела трех ребятишек. Самый старший и самый умный был Борька. Но ему было только четыре года. А самому младшему в семье не было даже одного года.

Жилось Ивановой тяжело. Вначале, после смерти мужа, на детей ей выдавали пенсию. А потом в отдел социального обеспечения проникли враги народа. Они лишили Иванову этой пенсии.

Заработную плату Иванова получала небольшую — она работала уборщицей.

Самый маленький ребенок часто хныкал и просил всегда молока. А молоко не всегда купишь — нехватало денег.

Борька — тот умный и терпел. Он все понимал. Он даже за няньку оставался. И всегда успокаивал братишку:

— Ты, пацан, не плачь. Вот скоро разбогатеем и молока купим.

Уборщица Иванова твердо знала, что советская власть — самая справедливая власть на земле. Она решила добиться правды.

Один знакомый посоветовал ей обратиться к товарищу Кирову.

— Иди, — сказал он, — прямо к нему на квартиру. Этот человек все сразу поймет.

Он даже написал ей заявление и узнал адрес Кирова.

Вдова, конечно, волновалась и многое передумала. Она товарища Кирова видела только на фотографиях и знала, что он ведет большую работу. А что он за человек, конечно, не знала.

Она несколько ночей напролет не спала, ворочалась. Все думала:

«Ведь он такой большой человек, вдруг не примет? Вдруг не допустят к нему? В учреждениях везде секретари сидят и часто не допускают к начальникам. Там даже не всегда меня выслушивали. А тут ведь сам Киров! И как к нему итти, да еще на квартиру?»

А утром и Борька захныкал; тоже вдруг молока захотел.

Иванова стала успокаивать мальчонку и обещать ему всякое:

— Ты погоди, Боречка, вот я схожу к хорошему дяде и попрошу у него помочь добиться правды. Вот у нас, сыночек, и молоко будет скоро.

Борька, конечно, носом пошмыгал, но прислушался к словам матери. Нельзя не верить маме. Она ведь всегда говорит правду.

Иванова твердо решила:

«Раз обещала ребятам, — надо итти. Что будет, то будет!»

Вдова отправилась на Петроградскую сторону, где жил товарищ Киров. Она подошла к подъезду большого серого дома и на лифте поднялась до квартиры Кирова.

Тут она увидела звонок. Самый обыкновенный звонок. И она сразу упала духом.

Но в этот самый момент на лестнице раздались быстрые шаги. Она оглянулась: вверх поднимался бодрый, широкоплечий мужчина. Он приветливо улыбнулся ей и сказал весело:

— Обождите, я открою вам! Я тоже иду в эту квартиру.

Вдова вгляделась в этого приветливого человека и узнала Кирова. Она сильно смутилась.

«Да это же товарищ Киров, — подумала вдова. — И он из-за меня пешком поднимался по лестнице».

Но Сергей Миронович сделал вид, что не замечает смущения работницы. Он открыл дверь и пригласил ее в квартиру.

Через коридор он провел ее к себе в кабинет и усадил на стул.

— Ну, рассказывайте, как ваши дела? — как старый знакомый, просто сказал он ей.

В этих словах и в доброй улыбке его было что-то бесконечно родное и дружеское.

И уборщица все как есть рассказала. Правда, она сильно волновалась, но все по порядку выложила.

Киров внимательно выслушал ее. Он не перебивал ее.

Когда она кончила, Сергей Миронович спросил, как зовут тех людей, которые были с ней так черствы и жестоки. Он подробно расспросил и про ребятишек и кто за ними присматривает, когда уборщица бывает на работе.

Он душевно сказал ей:

— Тяжело вам приходится, товарищ Иванова. Днем вы на работе, а ночью нужно еще детей няньчить.

И в этих словах было столько теплоты и человеческого участия, что у вдовы невольно засверкали слезы.

— Все будет в порядке, — успокоил он ее. — В нашей стране никто не имеет права отнять у рабочего то, что ему полагается.

Киров взял у Ивановой заявление и очень аккуратно написал свое мнение.

Он проводил ее до дверей и на прощание крепко пожал ей руку.

Работница вышла на улицу. Она не чувствовала под собой ног. Она словно помолодела.

На последние деньги она купила молока и принесла домой. Теперь она знала, что ее ребятишки будут лучше жить.

Пенсию вдова Иванова, конечно, вскоре получила.

Она всегда вспоминала про встречу с товарищем Кировым. И всегда говорила своим детям:

— Не щадите жизни и сил своих для того великого дела, за которое боролся и погиб наш родной Киров. Он был чуткий и добрый. И вы во всем старайтесь походить на него.

Голос у матери дрожал, дети понимали ее.

Они никогда не забудут Кирова.

ДЯДЯ КИРОВ

АБОТНИЦА Васильева жила в Ленинграде на Петроградской стороне. У нее был шустрый сынишка, он учился в третьем классе средней школы.

Неожиданно по утрам мать стала замечать за сыном беспокойство и заботу. Занятия в школе начинались в девять часов, а сынишка вдруг стал вскакивать с постели в семь. Он быстро одевался, умывался и все вертелся подле окна. А в восемь часов мальчуган — фуражку на голову и поминай, как звали.

Мать подозрительно спросила сынишку:

— Куда же ты такую рань убегаешь?

Мальчик с самым серьезным видом ответил матери:

— Дела, мама!

«Но какие дела могут быть у десятилетнего мальчугана на улице, да еще в такое раннее время? Уж не проказит ли он чего там? Дай, посмотрю, куда это он уходит и что делает?» — решила мать.

Когда сынишка встал, умылся и убежал на улицу, она тоже вышла следом за ним.

Идет позади и незаметно наблюдает.

Завернув за угол, мальчишка пропал. Мать и туда, и сюда, — нет сына.

— Вот, постреленок, словно сквозь землю провалился, — рассердилась она.

Работница, минут пятнадцать-двадцать поискав сына, вышла на проспект.

И что же она видит: к большому дому подъезжает машина, а в ней сидит Киров. Вокруг него, как воробьи, расселись ребятишки. И все галдят, смеются. Смеется и Сергей Миронович.

Мать остановилась пораженная. В машине рядом с Кировым сидел и ее сынишка. И он так задорно смеялся вместе с Кировым, что было ясно — они уже давно друзья. Вот чудеса!

«Куда же это они поедут с товарищем Кировым?» — подумала она.

Машина описала большой круг по улице и, шурша, снова подъехала к дому. Ребята горохом посыпались из машины. Остался в ней один Сергей Миронович.

Шофер дал гудок, а ребята закричали:

— Дядя Киров! А когда завтра поедешь на работу?

Товарищ Киров улыбнулся и прокричал им в ответ:

— А в это же время, ребята!

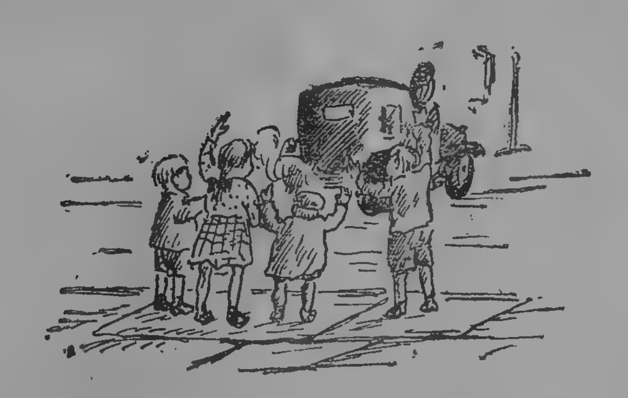
Дети постояли на улице еще минуты две и стали расходиться. Ушел и сынишка работницы Васильевой.

И тут она видит, по тротуару ковыляет карапуз лет пяти, а из ворот вышла женщина, взяла его за руку и повела, должно быть, домой.

Васильева подошла к женщине и спросила ее.

— А что, часто товарищ Киров катает их?

— Каждый день, — отвечает женщина. — Ребятишки от него прямо сами не свои! Спозаранку вскакивают с постели и к окну, не уехал ли без них дядя Киров? А мой пузан как завидит из окна автомобиль Сергея Мироновича, так никакими силами не удержишь, кубарем летит на улицу!

ХИТРЫЙ МАЛЬЧУГАН

ОКРУГ Старой Ладоги шумят обширные глухие леса. В них водится много всякой дичи. Шофер Юдин иногда привозил сюда товарища Кирова на охоту. Останавливался Сергей Миронович всегда в лесном кордоне, у егеря Александрова.

Этот егерь имел четырехлетнего сынишку. Мальчуган с серыми, плутоватыми глазами был очень забавен, и Сергей Миронович сильно привязался к нему. Киров привозил ему из города конфеты или пряники. Он рассказывал ему сказки и разные забавные истории. Иногда он даже играл с ним.

Мальчуган, конечно, тоже полюбил Кирова. Так и вертелся возле него.

Однажды вечерком мальчуган и говорит Сергею Мироновичу:

— Дядя Сережа, я хочу пойти с тобой на охоту.

Киров с самым серьезным видом спрашивает мальчика:

— А в кого ты там будешь стрелять?

Парнишка подумал и сказал решительно:

— Стрелять я буду ворону. Возьмешь меня, дядя Сережа?

— Ладно, возьму, — согласился Киров. — А сейчас давай ляжем спать! Уже поздно: видишь, солнце закатилось. Смотри, только не проспи!

— Я-то не просплю. Даже тебя могу разбудить.

— Ого, это совсем хорошо! — улыбнулся Сергей Миронович.

Утром, на зорьке, Киров и егерь Александров ушли на охоту. Мальчугана они, конечно, не взяли. Парнишка в это время спал крепким сном и даже не слышал, когда охотники ушли в лес.

Охота была удачная. Киров обошел и облазил немало чащоб и болот и настрелял много дичи. А вечером он, усталый, вернулся на кордон.

И тут его встретил мальчуган. Он молчал и хмурился. И даже сделал вид, что вовсе не замечает дяди Сережи.

Тогда Киров решил сам начать разговор с парнишкой:

— Ну, где же ты сегодня, молодец, был?

Мальчик задорно ответил:

— Известно где! На охоте.

— Ну? — удивился Сергей Миронович. — Вот ловко! Ай да молодец! А я думал, ты проспал. Где же твое ружье?

Мальчуган с самым невозмутимым видом ответил Кирову:

— А я его за забором оставил.

— Так, так. Оно там, пожалуй, отсыреет, заржаветь может.

— Нет. Я его на сухое место поставил.

— А кого же ты убил?

— Убил самую большую ворону, — не сморгнув глазом, соврал мальчуган.

— Ишь ты, как ловко! Ай да охотник! — похвалил его Сергей Миронович, а сам подмигнул егерю и шоферу: «Погодите, дескать, я его сейчас на чистую воду выведу!»

— Вот что, молодец, давай, показывай свою добычу! Тащи сюда свою ворону!

Мальчуган и тут не растерялся. Он сощурил на Кирова свои плутоватые глаза и сказал:

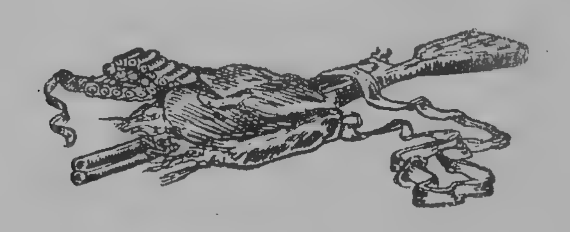
— Ее показывать нельзя, дядя Сережа. Я закопал ее глубоко в землю, чтобы не протухла.

Он, как старик, почесал затылок и с важным видом вышел из избы.

— Видали? — подмигнул Киров и весело рассмеялся. — Ну и молодец! Здорово, честное слово, здорово!

Егерь был очень польщен за сынишку и сказал с гордостью Сергею Мироновичу:

— Он у нас такой. Смышленый мужик будет!

ПОСЛЕДНИЙ ОБЪЕЗД

ЛЕНИНГРАДЕ, неподалеку от Кировского завода, улицу Стачек пересекает железная дорога. Здесь был шлагбаум и всегда происходили трамвайные задержки. Место это так и называлось «Пущинская пересечка». Проходящие поезда сильно мешали движению по улице Стачек. Движение тут самое кипучее. Особенно утром, когда рабочие торопятся на завод.

Представьте себе: вот бежит трамвай с рабочими, торопится доставить их на завод, а тут стоп — шлагбаум закрыт, и ехать дальше нельзя. Пассажиры, конечно, выходят из трамвая, нервничают и на чем свет стоит ругают порядки.

Однажды летом 1934 года к этому шлагбауму подъехал товарищ Киров. Он увидел действительно невеселую картину. По железнодорожной линии маневрировали товарные поезда. А у «пересечки» столпились трамваи, автобусы, машины с грузом и пешеходы. На оживленной улице Ленинграда остановилось всякое движение. И продолжалось это сорок минут.

Глядя на все это, Киров подумал:

«Худо, очень худо! Ведь этак товарищи могут споздать на работу, да и времени много зря пропадает».

Тут открыли шлагбаум, и Киров поехал на завод «Красный путиловец». Там он зашел в партийный комитет и спросил секретаря:

— Объясни, товарищ, почему у вас народ опаздывает на работу?

— По разным причинам народ опаздывает, — спокойно ответил секретарь. — Бывает, человек проспит, а больше из-за шлагбаума опаздывают.

Сергей Миронович не успокоился и опять спросил:

— А сколько народа из-за шлагбаума опаздывает?

Секретарь очень смутился, но откровенно сознался:

— Этого, Сергей Миронович, мы не учитывали. Это сделать невозможно.

— Как невозможно сделать? — удивился Киров. — Ленина ты читаешь?

— Читаю.

— А помнишь, он писал: «Социализм есть учет»?

— Помню.

После этого разговора товарищ Киров поехал на другие заводы. Там у него были разные дела. Кстати он у секретарей партийных комитетов узнавал, почему опаздывают на работу. Оказалось, что большинство опаздывает из-за шлагбаума.

Киров подсчитал и увидел: дорого обходится государству этот шлагбаум. С тех пор как построена железная дорога, так и повелось задерживаться у шлагбаума. К этому привыкли все. Ругались, а привыкли. Худая это была привычка. Но никому в голову не приходила мысль уничтожить это неудобство.

Но теперь все поняли, что терпеть дольше нельзя. Решили построить мост-виадук. Пусть по нему и ходят поезда. А под мостом будут пробегать трамваи, автобусы, машины. И пешеходы могут проходить. Никакой задержки не будет, и никто не опоздает на работу из-за шлагбаума.

В это лето и начали строить виадук.

Киров часто приезжал сюда и осматривал работы.

●

30 ноября 1934 года в Ленинграде стоял золотистый солнечный день. Это был выходной день. Шофер Юдин в этот день повез Сергея Мироновича осматривать новостройки. Товарищ Киров любил в выходные дни побывать всюду. Это было своего рода отдыхом. А тут тем более стояла хорошая погода.

Шофер Юдин отвез его в Лесной, потом на Выборгскую сторону: там строились большие дома для рабочих. Сергей Миронович обошел все постройки и осмотрел готовые квартиры. Он очень хотел, чтобы в этих новых квартирах рабочим было удобно и хорошо жить, поэтому осматривал по-хозяйски каждую мелочь. Подойдет, открутит кран — идет ли вода; осматривал плиты на кухнях — удобно ли будет хозяйкам готовить на них. Все было в порядке.

Ехали дальше.

Ехать было хорошо и весело. Воздух чистый, прохладный. Небо синее. И куда ни поглядишь, всюду видишь кировские дела. На солнце сверкает асфальт. На широких проспектах деревья бегут мимо машины.

Вот новые дома. А вот новые стройки. «Ишь, сколько нового всюду!» — с гордостью подумал шофер.

А в эту минуту товарищ Киров говорит ему:

— Отвези ты меня, Сидор Михайлович, сейчас на пересечку!

Шофер, конечно, знал, о какой пересечке идет речь, и мигом доставил туда Кирова.

Там у шлагбаума, как всегда, затор.

Трамваи, автобусы, машины, пешеходы.

Но странно: все терпеливо ждут. И даже не ругаются. Все с удовольствием смотрят на кипучую работу и говорят с радостью:

— Ну, скоро конец нашим мукам!

Киров поднялся на насыпь и осмотрел работы.

Вернулся он довольный и уселся в машину рядом с шофером. Так он любил всегда ездить. Так лучше все видно. Когда бежит машина, перед тобой вся улица развертывается.

Киров уселся. А солнце вот как хорошо светит. Он снял шапку и вздохнул глубоко:

— Эх, жить-то как хорошо, Сидор Михайлович!

Шофер улыбнулся:

— Хорошо, Сергей Миронович. — И показал ему на пересечку: — А мост-то скоро отстроят.

— Отстроят, — уверенно отозвался Киров. — Посмотри, Сидор Михайлович, что творится! Видишь, какое движение по улице? По ней, как по жиле, жизнь бежит. А тут вдруг застопорит. Худо ведь?

— Куда как худо!

— А теперь этого больше не будет.

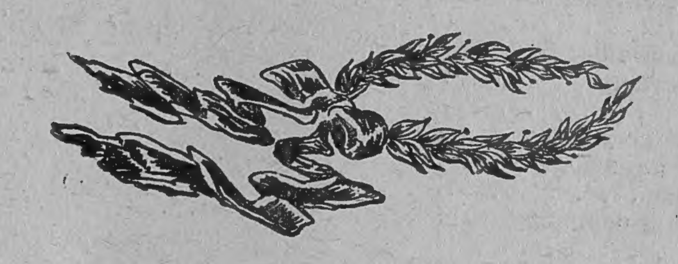
— Не будет, Сергей Миронович.

Киров посмотрел вдоль улицы и сказал:

— В следующий объезд мы без задержки на заводы поедем.

Но на другой день у подъезда Смольного стояла пустая и одинокая машина. По щекам шофера катились слезы.

В 16 часов 30 минут 1 декабря 1934 года подлые злодеи убили Сергея Мироновича Кирова.

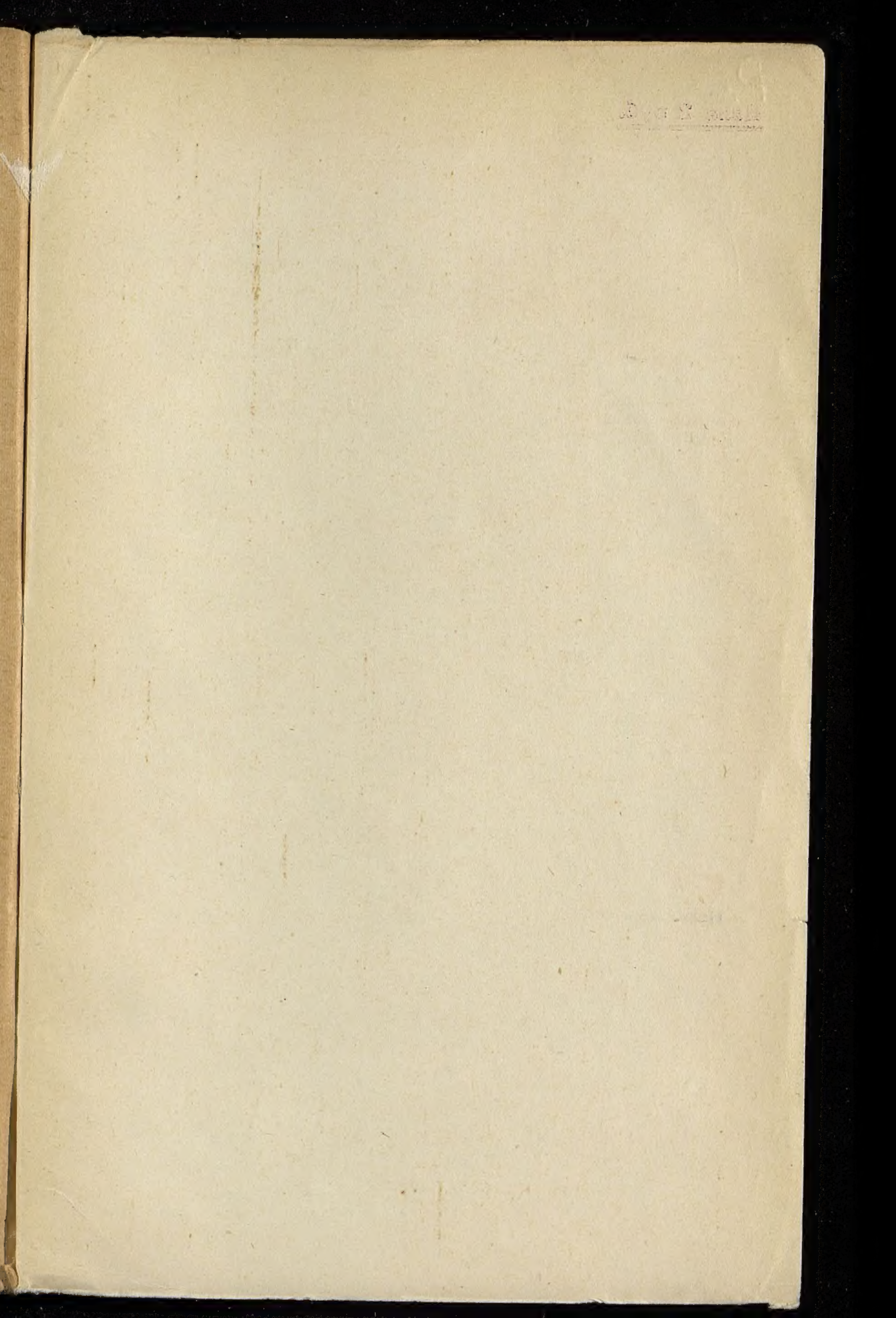
СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *И. К. Николаева*

Корректор *М. Т. Иванова* Художник *В. Е. Григорьев*

Подписано к печати 28/XI 1942 г. М-9971. Объем $6^1/_2$ л. Тираж 10 000.
Заказ 2943

ЛТ УН-1

Цена 2 руб.